

ТАЙНА ПАНСИОНАТА "УЮТ"

1

Понедельник не порадовал погодой. Весь вечер на автостраду валил густой, липкий снег. Под его тяжестью прогнулись провода, опустились к земле ветви чёрных деревьев. Зыбкий свет луны едва освещал раскисшую от слякоти ленту шоссе и окоченевшую фигурку девушки у придорожного столба. Девушка была простоволоса, в короткой тёмной шубке и полусапожках. Когда из-за поворота, ведущего в город, вспыхивали фары автомашин, она на миг оживала и слабо вскидывала замерзшую руку. Но машины даже не притормаживали, и она вновь отступала в рыхлый снег, зябко жалась к столбу.

Глазунов увидел её, как только их старенький «Москвич» вырвался на прямую.

- Костя, подбросим? - спросил он шофер.

Тот кивнул, но резко сбавить ход не рискнул: на холодном ветру асфальт леденел, покрывался скользкой коркой. «Москвич» промчал ещё добрых три-четыре десятка метров, прежде чем остановиться, а потом мягко покатыл назад.

- В чём дело? - вскинул голову Губенко, до этого спокойно дремавший на заднем сидении. - Что это мы вдруг пятимся раком?

Глазунов кивнул в сторону спешившей к ним девушки:

- Возьмём попутчицей? Что с нас - убудет?

- Какая-нибудь «дальнобойщица», - недовольно буркнул Губенко. - Столько их развелось сегодня!... - Но всё же отодвинулся к левой дверце, освобождая место.

Она живо уселась рядом, умоляюще прошептала:

- Только побыстрее, пожалуйста.

Губенко хмыкнул, толкнул шофёра в плечо:

- Поехали!

Машина дёрнулась, неуверенно заскользила по обочине, и её хозяин в который уже раз подосадовал, что, несмотря на все старания, не смог раздобыть новую резину.

- Ничего, Костя-подбодрил Глазунов. - Как-нибудь доберёмся. - Но и сам в душе посетовал на непогоду. Весна в этот год пришла необычайно ранняя, дружная. Ещё в середине марта вскрылась ото льда Волга, прилетели первые грачи. И вот на тебе - в апреле опять сыплет снег.

Он обернулся.

Девушка жалась в угол. На вид ей было чуть больше двадцати. Впотымах как следует не рассмотришь. Не из-за любопытства, а чтобы успокоить её, спросил:

- Куда так торопитесь?

В этот момент дальний свет чужих фар ударил в заднее стекло «Москвича» и чуть не ослепил Глазунова. Он невольно отвернулся.

С полминуты в салоне висела тишина. И тут вдруг девушка вновь подала голос:

- Ребята, миленькие... Побыстрее, если можно. Это, наверное, за мной.

- Ничего себе - заявочки! - заёрзал Губенко. - В чём дело-то, скажи?

- Только не отдавайте меня, если догонят, - жалобно прошептала она.

- Кому не отдавать - может, полиции? С представителями закона, милая, не спорят.

- Да не полиция это вовсе, - всхлипнула девушка.

- Тогда не отдадим, - заверил Глазунов. Он повернул голову к шофёру. - Так ведь, Костя?

Тот молча кивнул, включил «дворники» и до упора выжал педаль газа.

Машина заметно прибавила ход.

А свет чужих дальних фар не ослабевал, лишь скользнул влево, и вот уже изящная, приземистая «девятка», настойчиво подавая сигналы, пристроилась рядом с «Москвичом», упорно прижимая его к обочине.

- Ну, наглецы, - возмутился Губенко и полез в свой чёрный кофр за фотоаппаратом. - Я сейчас тоже попугаю.

Он придвинулся к стеклу, нажал кнопку спуска затвора камеры. Яркая вспышка осветила сидящих в «девятке» Она сразу сбавила скорость.

- Порядок, отстали, - удовлетворённо пробасил Губенко, убирая фотоаппарат.

- Как бы не так, - пробормотал Костя, стрельнув глазами в зеркальце заднего обзора. - Вот они, опять рядышком.

- Что будем делать? - спросил Глазунов. Он взглянул на девушку. Она молчала, вжимаясь в угол.

«Девятка» и впрямь словно приклеилась к «Москвичу». Сидевший в ней рядом с водителем красивый, кудрявый парень в чёрной кожаной куртке озлобленно погрозил им кулаком.

- Пожалуй, Костя, по такой дороге мы эту гонку долго не выдержим, - озабоченно сказал Глазунов. - Чего доброго, загремим в кювет.

- Город на горизонте, - не сводя глаз с дороги, не сразу ответил тот. - Скоро пост ГИБДД.. Может, и отстанут.

Возникшая впереди разделительная полоса с металлической оградкой как-то незаметно раздвоила шоссе, и, действительно, чуть сбавив скорость, «девятка» сразу оказалась позади.

Мигнул, переключаясь на красный свет, жёлтый огонек светофора, но «Москвич» успел проскочить первый пригородный перекрёсток дороги, и трель полицейского свистка остановила лишь преследователей, увлёкшихся погоней.

Глазунов посмотрел в боковое зеркальце: вышедший из постовой будки высокий, молодеватый постовой, покачивая жезлом, медленно и уверенно двигался к застывшей у края дороги «девятке».

- Кажется, оторвались, - облегчённо вздохнул Глазунов.

- Это точно! - повеселел Губенко. Он повернулся к попутчице. - Ну, милая, втянула ты нас в приключение. Как хоть зовут-то?

Девушка слабо улыбнулась.

- Ната.

- Хорошее имя. Учишься где или работаешь?

- Учусь.

- В институте?

Девушка кивнула.

- В каком?

Она не ответила, отвернулась к окошку.

- Оставь её, - вмешался Глазунов. - Тебя где посадить?

- Да подвезите к дому, недалеко ведь.

В машине опять воцарилась тишина. За стёклами уже светились фонари уснувших улиц, мелькали дома. Снег перестал, вместо него сыпалась мелкая морозь, усилилась гололедица... Вскоре машина свернула в тихий переулок, остановилась у одного из домов, и Губенко, повесив на плечо тяжёлый кофр, неловко выбрался на тротуар.

- Пока! - помахал он всем, обошёл заледеневшие лужицы и скрылся в подъезде.

Глазунов повернулся к девушке.

- А вас куда?

Она повела плечами.

- Не знаю. В общежитие уже поздно...

Глазунов терпеливо ждал. Девушка мучительно раздумывала, и он только сейчас заметил, что её сапожки надеты на голые ноги, а под распахнувшейся шубкой на теле одна сорочка. Он нахмурился, соображая.

- Так куда поедет? - спросил шофёр.

- Давай ко мне, что уж теперь, - недовольно ответил Глазунов. Ситуация, в которой он невольно оказался, его конечно не радовала. «Вечно попадаю в истории, - подумал он, неприязненно взглянув на девушку. - Может, она и вправду «дальнобойщица», а все эти байки об институте и общежитии - сказочки для таких вот, как я, простаков? Верно, не угодила чем-то своим «клиентами» или что-то спёрла у них, вот и заметалась... Тоже мне, студенточка - в одной распашонке!»

Но по тому, как Наташа благодарно улыбнулась ему в эту минуту, он понял, что ошибся, и уже веселей повторил команду:

- Гони, Костя, ко мне!

Когда он с Наташей уже поднимался по лестнице в его квартиру, девушка вдруг робко спросила:

- А вам от жены не попадёт?

Глазунов усмехнулся.

- Нам с вами повезло: холостяк ещё.

Она опять слабо улыбнулась.

В крохотной прихожей он зажёл свет и стал раздеваться. Наташа смущённо переминалась у двери, плотнее запахнув на себе шубку, всю в мелких, искристых водяных капельках.

- Секундочку, я сейчас... - сообразил Глазунов. Он рванулся в комнату, достал из шкафа тёплый махровый халат, пару новых тапочек и вернулся в прихожую.

- Вот, облачайтесь.

Наташа покраснела, но протянула руку за халатом. Глазунов поспешил на кухню. И пока его гостя переодевалась, успел сварить кофе, приготовить бутерброды.

- Можете пройти в ванную, умыться с дороги! - крикнул он девушке.

- Спасибо, - донёлся из прихожей чистый, негромкий голос.

На кухне она появилась не скоро. Шлёпая тапками и кутаясь в длинный для неё халат, скромно присела за столик. Теперь, на свету, она показалась Глазунову очень привлекательной: простое, милое лицо, ясный взгляд голубоватых глаз, золотистые волосы, открытая девичья улыбка... Он придвинул ей чашечку с кофе, сахарницу, бутерброды. Наташа поднесла чашку к губам, тихо спросила:

- А вы кто?

Глазунов вскинул брови.

- Ну, расскажите немного о себе. О ваших товарищах, что были в машине, - подсказала Наташа.

- Я журналист, - немного помедлив, ответил он. - Репортер областной газеты «Голос Приволжья», Владимир Глазунов - может, читали что-нибудь из моих опусов?

- Нет, - призналась Наташа. - Как-то не пришлось.

Она искоса бросила на него изучающий взгляд: интересный парень! Лет двадцати пяти, спортивного вида фигура, коротко стриженные светлые волосы, одухотворённые черты лица, серьёзные серые глаза...

- Ну, и ладно, - сказал Глазунов. - А водителем у нас был Добряков Костя. Мировой парень! И безотказный работяга.

- А тот, что сидел со мной рядом? По-моему, любитель поговорить.

- Это - Губенко Паша, наш фотокорреспондент. Он и в самом деле весёлый, разговорчивый. Посидел бы рядышком ещё с пяток минут и очаровал бы вас... А возвращались мы из командировки. Вот, пожалуй, и всё. Теперь ваша очередь. Как вы оказались на шоссе? Кто и почему вас преследовал?

По лицу Наташи пробежала тень.

- Не стоит сейчас об этом. Потом поговорим, ладно?

- Как хотите,.. - поугас Глазунов.

Он допил кофе, пошёл в комнату застилать диван. Наташа зашлёпала следом.

- Будете спать здесь, а я устроюсь в кухне на раскладушке, - сказал Глазунов.

- Давайте поступим наоборот, - услышал он её тихий голос. - Зачем вас стеснять. Мне ведь только голову куда бы преклонить до утра.

- Да что уж там, - возразил Глазунов. - Укладывайтесь поудобнее и спите спокойно.

А сам ещё долго не мог уснуть. Ворочался с боку на бок и пытался разобраться - жалеет ли, что завтра придётся расстаться с Наташей? Девушка понравилась ему. Правда, смущали необычные обстоятельства их знакомства.

2

Бес увидел Наташу, как только их «девятка» вырвалась с просёлочной дороги на автостраду: беглянка садилась в прижавшийся к обочине старенький «Москвич».

- Всё, приехали, - с досадой бросил Длинный, притормаживая «Жигули». - Она уже в машине.

- Гони, дурак! - фальцетом закричал Бес. - Попробуем остановить этот драндулет.

Длинный выругался, включил дальний свет и тут же придавил акселератор. «Девятка» стремительно рванулась в погоню, «Москвич» тоже прибавил скорость, но расстояние между ними быстро сокращалось.

- Прижимай его к обочине, - процедил сквозь зубы Бес.

- Не даётся, гад!

- А ты впритирочку. Или долбани его разок.

Внезапно яркая вспышка света вырвалась из салона «Москвича». Бес даже зажмурился на мгновение, а Длинный от неожиданности выжал тормоз. С натужным визгом «девятка» чуть не развернулась и встала.

- Сволочи!... Так это ж они нас снимают! - догадался Бес и разъярённо снова заорал Длинному:

- Ну, что вытаращил zenки? Гони на всю железку и жми их в кювет!... Бей по крылышкам.

- Сами обдерёмся.

- Жми, говорю!

Бес придвинулся к окошку, стал подавать водителю «Москвича» знак остановиться. Тот крутанул головой, и Бес погрозил ему кулаком. А шоссе как-то незаметно раздвоилось от вклинившейся разделительной полосы, показались огни города, и Длинный был вынужден сбавить скорость. «Москвич» сразу вырвался вперёд.

- Не отдавай, не отставай! - завопил Бес. - Долбани его в задницу!

Но для нового манёвра было уже поздно, послышалась трель полицейского свистка, и Длинный, выругавшись, подрулил машину к краю дороги.

- В чём дело? - прошипел Бес, провожая бешеным взглядом стремительно удалявшийся «Москвич».

- На перекрёстке «красный» проскочили. - Длинный качнул назад головой. - Видишь, мент к нам топает.

Бес оглянулся: высокий, молодцеватый гибэдэдэшник, покачивая жезлом, медленно и уверенно шагал от постовой будки к их машине.

- Дурак! - снова зло прошипел Бес, поворачиваясь к Длинному. - Надо было гнать дальше!

- А мотоцикл его видел? - хмуро отозвался тот. - Приклеился бы с ходу.

- Оторвались бы!

- Так ведь у мента «пушка».

- Ну, и расхлёбывайся теперь...

Молодой сотрудник с сержантскими лычками на погонах медленно обошёл сзади машину, потом открыл дверцу водителя. Козырнув, представился, попросил у Длинного документы. Тот молча протянул ему водительские права и паспорт. Сержант, всё так же не торопясь, внимательно изучил их.

- Почему нарушаете?

- Да вот, торопились... - сипло буркнул Длинный.

- Молоды ещё. Помните, как у Высоцкого: «В гости к богу - не бывает опозданий», - улыбнулся сержант, доставая квитанции о штрафе.

Длинный вяло кивнул, полез за бумажником.

Бес сидел тихо, не вмешиваясь в разговор, хотя внутри у него всё кипело от раздражения, насупившись поглядывал на удаляющиеся сигнальные огоньки упрямого «Москвича».

Сержант возвратил документы, снова козырнул:

- Можете ехать.

И захлопнул дверцу.

Длинный повернул ключ зажигания.

- Ну, что дальше? - спросил он хмурого Беса. - Возвращаемся или как?..

- Едем в город. Иначе - что подумает сержант? Покрутимся по улицам, посмотрим. Должна же эта стерва-девка где-то выйти. Глядишь, перехватим.

Но улицы города были пустынные. Они покрутились по ним с полчаса, а потом Бес, скрепя сердце, дал команду возвращаться.

- Шеф будет расстроен, - угрюмо заметил он.

Длинный тяжело вздохнул. словно вспомнив о чём-то неприятном, тоскливо потёр левое ухо.

- Да уж, не хотел бы я сегодня встречаться с ним...

Подъезжая к злополучному перекрёстку, он на всякий случай снизил скорость, хотя на светофоре горел «зелёный», и полицейского у будки не было.

Длинный снова вздохнул.

- Говорить будем всё, как было?

Бес понял его.

- Конечно, если нам жить не надоело. Всё равно узнает.

- От кого?

Бес усмехнулся.

- Узнает!..

Прыщавое лицо Длинного вытянулось ещё больше. Он опять потёр ухо и прильнул к рулю.

Вскоре машина свернула на просёлочную, засыпанную щебнем дорогу, а ещё через пять минут «девятка» мягко подкатила к массивным железным воротам высокого глухого забора, за которым в глубине сосен скрывался добротный двухэтажный особняк старинной постройки - кооперативный пансионат «Уют».

Бес вышел к воротам, нажал на кнопку звонка. В переговорном устройстве раздался щелчок, послышался хриплый голос:

- Кто?

- Свои, Петрович, - ответил Бес.

Створки ворот распахнулись, и «девятка», прошуршав по гравию, остановилась у подъезда. Бес вяло приплёлся следом, также нехотя прошёл за Длинным в дом.

В большой уютной гостиной, освещённой лишь настенным светильником над журнальным столиком, их встретил сам Шеф. Несмотря на свои шестьдесят, он легко поднялся из глубокого кресла: высокий, в добротном свитере, с неизменной дежурной улыбкой на моложавом лице.

- Ну что, мальчики? Как дела?

Голос его был тих и спокоен.

- Простите, Шеф... - первым заговорил Бес. - Мы почти настигли её... Но она села в попутный «Москвич» и...

- И что? Вы не смогли остановить его?

Длинный тревожно засопел. Бес жалостливо посмотрел на него и продолжил:

- Помешал постовой.

- Постовой? Вы засветились ему?

Лицо Шефа по-прежнему оставалось спокойным, но в глубоко посаженных глазах улыбка исчезла, а голос поледенел.

За два месяца, проведенные в «Уюте», Бес хорошо узнал характер Шефа. С виду всегда спокойный, а в обращении ровный и обходительный со всеми, он, тем не менее, был жестоким, безжалостным, способным на любую подлость. Длинный тоже знал об этом и потому засопел ещё громче.

- Так получилось, - виновато промямлил он. - Я не заметил светофора.

Шеф переместился к нему, задумчиво похлопал верзилу по щеке, потом привычно и всё также задумчиво стал выкручивать его ухо. Длинный страдальчески съёжился.

- Оставь его, Жоржик, - вдруг послышался глухой раздражённый голос.

Бес сразу узнал его, взглянул в затенённую глубь гостиной: в правом дальнем углу, за другим столиком, с бокалом в руке устроился в кресле и внимательно их рассматривал компаньон шефа - брюшковатый, с рыжей, клинышком, бородкой и с проплешиной на круглой голове «Тишайший Профессор», как его здесь все называли и не любили - за его вечно холодные, влажные руки.

Шеф послушно отпустил ухо Длинного, и Бес поразился тому, как постоянно безропотно выполняет все указания Профессора этот весьма непреклонный с другими человек.

- Пускай говорят, - закончил свою мысль Профессор, пригубив из бокала.

Бес и Длинный переглянулись. У обоих противно засосало под ложечкой: «Что там сотрудник ГИБДД - их даже сфотографировали!»

Бес, запинаясь, рассказал и об этом.

Шеф внимательно выслушал его, молча отошёл к бару, плеснул в свой бокал вина.

Профессор слегка шевельнулся в кресле.

- Пусть мальчики выйдут, - сказал он тихо.

Шеф кивнул им на дверь. Они не заставили себя ждать повторения команды, мгновенно словно испарились.

- Плохо дело, - заключил Шеф, опускаясь в кресло.

- Хуже некуда, - согласился Профессор. - Но мне нужна эта девчонка.

- Мало тебе у нас других? Тискай любую!

Профессор поморщился.

- Да это так, блажь накатила. Мог бы просто заставить... Короче, она мне нужна для дела.

- Другую найдём.

- Нет. Её, пожалуй, сегодня никто не заменит. Всё схватывает на лету. Не зря я заметил её. Да и время дорого - натаскивать кого-либо другого. Надо вернуть её.

- Где ж искать? Навряд ли она вернулась в общежитие.

- А это твоя забота, Жоржик.

- Она будет молчать?

- Не знаю. Может, и будет. А вот другие, неизвестные нам сегодняшние персонажи... О них тоже следует позаботиться, ты понял?

Шеф кивнул и залпом осушил бокал.

3

Утром Беса разбудил стук двери. Он приподнял голову с подушки: его новой девицы, пышногрудой блондинки Риты, рядом с ним не было. Взглянул на часы: без пятнадцати восемь. И в ту же минуту из ванной комнаты послышался шум душа.

«Чистюля», - с усмешкой подумал Бес о девушке и вспомнил ночные игры с ней в постели. А вспомнив, сладко потянулся: «И откуда берутся такие страстные тёлочки?»

Лёгкое потрескивание, возникшее вдруг из переговорного устройства на прикроватном столике, сменившееся на громкий, но как всегда спокойный, голос шефа, подействовал на него, отрезвляюще. Он застыл, ловя каждое слово.

- Хватит нежиться, красавчик. Пора приступать к работе... Зайди ко мне поговорим.

Бес рывком поднялся с кровати и как был нагишом, так и бросился в ванную.

- Мотай отсюда! - заторопил он блондинку, сладострастно шлёпнув ладонью по её упругому влажному заду. - Меня хозяин вызывает.

Блондинка недовольно фыркнула, но всё же выполнила команду - легко выскользнула из ванны и, прикрывшись широким махровым полотенцем, шмыгнула в комнату.

Бес в пять минут привёл себя в порядок, оделся и отправился к Шефу. Тот ждал его в своём кабинете: на румянном лице привычная улыбка, в прищуренных глазах - холодок.

- Да, вчера оплошали вы, мальчики, - негромко заговорил он, поднимаясь из-за массивного письменного стола. - Надо исправлять положение.

Бес преданно вытянулся у двери. Рад был: хозяин не только, вроде бы, не гневался, что было бы для него, Беса, весьма опасно, но всё ещё, как будто бы, доверяет ему. В сознании парня мгновенно пронеслась вся его короткая жизнь...

Основной причиной, побудившей его поступить на службу к этому «вежливому троглодиту» была жажда «пожить красиво». С детства он мечтал выделиться, стать личностью первой величины среди сверстников, но, по природе хрупкий и хилый, долгое время получал от них только тычки и насмешки. Узкобёдрый, с красивым и нежным лицом, обрамлённым белокурыми вьющимися волосами, он стал обидчивым и злопамятным. Бросив школу, записался в секцию восточных единоборств. Себя не щадил в изнурительных тренировках, как не щадил на соревнованиях и соперников, в результате чего теперь мог одним движением руки сбить с ног любого обидчика, а из-за своей вспыльчивости и мстительной жестокости заработал кличку Беса.

Но для красивой жизни этого было мало. Пришлось согласиться с предложением Шефа, приметившего его в одной из уличных стычек, подзаработать на службе в «Уюте». Как и мечталось, работа оказалась не

пыльной и денежной. Правда, не дай бог не угодить Шефу, у которого под началом было ещё несколько крутых парней, тоже бывших спортсменов... А он, Бес, и впрямь вчера оплошал. Теперь снова не опростоволоситься бы...

- Узнай, - продолжал говорить Шеф, - чья была та машина, кто был в ней. А далее действуй по обстановке. Не торопясь, но и не затягивая.

Он вплотную подошёл к Бесу, потрепал его по щеке, отчего тот испуганно задёргался.

- Короче: девчонка Профессора должна быть здесь, пассажиры «Москвича»...

- в другом надёжном месте, ну а мы с Профессором - спокойно занимались бы своими делами, - твёрдо закончил Шеф.

Бес кивнул, хотя и не понимал, зачем из-за какой-то девчонки поднимать такой шум.

- Я понял. Можно идти?

- Валяй. И держи меня в курсе, не стесняйся.

Бес ещё раз кивнул, а выходя из кабинета, осторожно прикрыл за собой тяжёлую дубовую дверь.

Спровадив блондинку, он первым делом сел за телефон. Старательно прокашлялся, набрал в грудь побольше воздуха и расстроенным голосом попросил дежурного отдела ГИБДД узнать, кому принадлежит «Москвич - 407», госномер «23-47 ВРА», что подвозил его вчера от железнодорожного вокзала к дому, и в салоне которого он забыл спую папку с важными документами.

Дежурный пообещал помочь и вскоре сообщил:

- Это служебная машина редакции газеты «Голос Приволжья».

- Большое спасибо! - искренно обрадовался Бес и положил трубку.

Оставалось узнать, кто ещё был с водителем «Москвича». «Коль в будний вечер машина шла в город, - размышлял он, - значит, её пассажиры - сотрудники редакции. Возвращались, наверно, из командировки... И один из них - фотограф!»

Бес довольно потёр руки. «Теперь лишь бы опять не подкачал Длинный!»

А тот всё ещё валялся в постели. Бес рывком поднял его.

- Хватит дрыхнуть. Одевайся!

Длинный сонно заморгал.

- Зачем?

- Работа есть. А пока один вопрос: что нужно сделать, чтобы чья-нибудь «тачка» неожиданно угробилась на ходу?

- Садануть её другой «лайбой».

- Нет. Всё должно быть шито-крыто.

Длинный зевнул, поскрёб лохматый затылок.

- Ну... тормоза вывести из строя.

- Шофер сразу заметит.

- Это как сделать...

- Ну и как?

- Аккуратно надкусить, например, трубочку подачи тормозной жидкости.

Медная такая трубочка. Даже плоскогубцы возьмут.

- Перекусывать не надо - это заметно. Что ещё?

- Отвернуть не полностью штуцер тормозного цилиндра. Пока вся жидкость не выльется - машина будет в норме.

- Есть ещё ручной тормоз. Что с ним придумать?

- Порвать тросик. Но для этого надо залезать под машину, а не под капот.

Много сложнее... Да и зачем? Если не сработает обычный тормоз, до ручного уже не дойдёт... А в чем дело? – насторожился Длинный.

Бес коротко пересказал ему суть задания Шефа.

- Уберём шофера «Москвича», подумаем потом, как вывести из игры и других его вчерашних седоков.

Но Длинный неожиданно заартачился.

- Я - пас! Ищите другого лопуха. За такое дело нам - верная вышка! - ощерил он редкие жёлтые зубы.

Бес тоже сознавал это. Но понимал и другое - смертный приговор грозит им лишь в перспективе, и то, если они сами сработают не чисто, а вот в случае отказа выполнить задание Шефа им уже сегодня не уйти от возмездия. И он со злостью врезал Длинному в подбородок набитыми в карате костяшками пальцев. Тот грохнулся на пол. Бес рывком притянул его к себе, прошипел, как змея.

- Ну что - поживём ещё или сразу потопаем к молодчикам Шефа?

Длинный очумело замотал головой.

- Тогда кончай выпендриваться и трепать языком. Одевайся!

... Свою «девятку» они оставили за ближайшим углом, к редакции пошли по улице пешком. Длинный хмурился, время от времени украдкой потирал вспухший подбородок. Бес тоже помалкивал, лишь зыркал глазами по домам, отыскивая нужную ему табличку. Он углядел её на одной из новых девятиэтажек.

- Загляни во двор, - предложил он напарнику. - Может, эта тачка там.

Длинный возвратился скоро.

- Точно, стоит в гаражике.

- Она, не ошибаешься?

- Я номер посмотрел.

- А хозяин?

Длинный пожал плечами:

- Не видно.

- Быстро сможешь всё провернуть?

- Попробую...

- Давай!

Долговязая фигура Длинного снова нырнула во двор. Бес нервно пристроился под козырьком подъезда дома напротив.

Минута бежала за минутой, а Длинный всё не возвращался. Но вот он, наконец, появился, закрутил головой. Бес свистнул из укрытия. Длинный бегом пересёк улицу, тяжело выдохнул:

- Порядок!

- Подождём здесь, - сказал Бес. - Посмотрим, поедет ли...

Ждать пришлось долго, почти до полудня. Измаялись, зато убедились: «Москвич» всё же выехал со двора, осторожно покатил по застекленевшей от мороза мостовой.

- В машину! - скомандовал Бес и первым выскочил из укрытия.

До угла добежали в несколько секунд. «Девятка» рванула с места, ринулась за «Москвичом». Он миновал одну улицу, другую, свернул на дорогу, ведущую к автозаправочной станции и вдруг на крутом поворотном спуске завилял и врезался во встречный «КрАЗ». Сразу образовалась пробка.

Бес выскочил на дорогу, протиснулся сквозь толпу шоферов к месту аварии.

- Что с «Москвичом»? - спросил он одного из них.

- Почти в «гармошку» сложился.

- А водитель - жив?

- От такого-то удара? Погиб мгновенно.

Бес судорожно икнул, попятился к своей машине. А в голове мелькнула мысль: удастся ли ему так же ловко справиться с фотографом?

Утром Глазунов проснулся от щелчка дверного замка. Опустил на пол ноги, надел брюки, заглянул в комнату. Наташи не было. На застеленной кровати лежал листок бумаги, на котором было что-то начертано простым карандашом.

«Спасибо за всё!» - прочитал он и посмотрел на часы: без пятнадцати восемь.

«Потом поговорим» - вспомнил Глазунов слова Наташи и раздосадованно усмехнулся: «Вот и поговорили. Теперь ищи-свищи ветра в поле».

Он прошёл в ванную, побрился, умылся. Потом сготовил на кухне завтрак. А из головы всё не выходила мысль о Наташе: почему за ней гнались, от кого она убегала?

В половине девятого он вышел на улицу. Дул холодный, пронизывающий ветер, а хмурое небо было по-прежнему почти сплошь затянуто тяжёлыми облаками. В такую погоду и в отпуск идти не хочется, но придётся: по графику ему гулять в апреле, а сегодня уже девятое число, пора подавать заявление.

С этой мыслью он и переступил порог редакции. И почти полдня просидел за столом, набрасывая вместо радужного очерка о заштатном городишке чер- новик тревожного репортажа о разладе и сумятице в головах горожан. А во второй половине дня у него состоялся крутой разговор с главным редактором. Тот ничего и слушать не хотел о подобном сочинении. Взгляд устало-иронический. Вовсю упрекал в непонимании сложившейся в стране ситуации, в попытках очернительства. Однако в конце примирительно взглянул из-под густых бровей и сказал:

- Ладно, не ерпенься. Посмотрю на досуге... А тебе отдохнуть надо. Давай-ка, брат, в отпуск! Отвлекись от всей этой суеты. Договорились?

Расстроенный Глазунов тут же начеркал заявление об отпуске и молча вышел из кабинета редактора. К себе идти не хотелось, и он отправился к Губенко. Павел встретил его, как обычно, радушно:

- Привет, дорогой! Какие новости?

В его крохотной фотолаборатории, погруженной в алый полумрак, из водопроводного крана журчала вода, повсюду стояли бачки, ванночки, глянцеватели... Глазунов с трудом нашёл для себя свободное место у монтажного столика.

- Какие уж там новости... Вот, в отпуск собрался.

- Что так скоро?
- Главный гонит. Отдохни, говорит, от забот и хлопот. Мой репортаж о Григорьевске зарубил.
- Какой репортаж? Мы собрались делать очерк.
- Не получается он, Паша, не получается. Ты забыл, с кого мы там снимки делали? Ни одного улыбочивого лица...
- Значит, зря старались.

Он убрал в шкафчик кассеты с плёнками, раздражённо выключил красный фонарь, поднял на окне чёрную штору. В комнатухе сразу стало светлее. Помолчали немного. Губенко снял с глянцевателя пару свежих снимков.

- Хочешь взглянуть?

Глазунов протянул руку.

На одном из снимков, тёмном и, как бы смазанном, было запечатлено прильнувшее к стеклу салона автомашины какое-то привидение.

- Кто это? - недоумённо спросил Глазунов.
- Не узнаёшь? А кто нам вчера грозил кулаком?.. Да-да, тот самый малый. Жаль, что снимок не получился. И всё же, хочешь - подарю?
- Зачем он мне?
- На память. О вчерашнем происшествии... Кстати, что с той девушкой?
- Исчезла...
- Куда? Говорят, ты приютил её вчера.
- Ну и что? Утром я ещё и глаза не успел продрать, как она хлопнула дверью.
- И ты с ней так ни о чём и не поговорил: кто она, откуда, что с ней случилось?
- Вчера было поздно уже - ночь на дворе...

Губенко расхохотался.

- Узнаю!... Узнаю джентльмена!... Ну, ты даёшь! Приводишь к себе неизвестно кого и боишься рот открыть? Как же, побеспокоишь даму. Она хоть хорошенькая? Не разглядел я вчера, в потёмках-то.

- Девчонка как девчонка.
- И ты, пижон, не воспользовался случаем, не приударил за ней?
- Зачем? Она и без того не в себе была.
- Хорош!... Хорош!... Так ты никогда и не женишься. «Не в себе была»... А почему? Кто за ней гнался вчера?.. Не заявить ли об этом в милицию, как думаешь?

Глазунов поднялся.

- По-моему, не следует. Что мы там скажем? Может, поссорилась со своим дружком, вот и... Лучше выйдем в коридор, покурим.

А в коридоре царил непонятная суета. Чем-то встревоженные сотрудники редакции сновали по лестницам с этажа на этаж, слышались вздохи...

Глазунов остановил одну из сотрудниц.

- Что случилось?
- А вы и не знаете? Костя Добриков погиб.
- Как погиб?!
- Попал в аварию. Ехал на заправку и врезался в грузовик.

Глазунов нервно закурил сигарету. Костя Добриков, любимец редакции, всегда и во всём безотказный, старательный, выдержанный и аккуратный, и вдруг... его уже нет. Это не укладывалось в голове.

Губенко тоже стоял хмурый.

- Не нравится мне эта история, - сказал он тихо, как только сотрудница исчезла из коридора.
- Чем не нравится? - спросил Глазунов.
- Не мог он вот так-то... Шофёр, что надо.
- Позвоним в ГИБДД?
- Давай.

Они прошли в небольшой кабинет Глазунова. Дежурный ГИБДД сказал, что в случившемся повинен водитель частной «Волги», допустивший неправомерный обгон «Москвича» Добрикова, в результате чего и создавалась

аварийная ситуация. Следовавший в противоположном направлении автомобиль «КрАЗ», чтобы не столкнуться с «Волгой», выехал на обледеневшую обочину, откуда его выбросило на встречную полосу к «Москвичу». Добриков, по-видимому, пытался уклониться от удара, но не справился с управлением и... Водитель «Волги» с места происшествия скрылся, ведётся его розыск.

- Вот так-то, - вздохнул Глазунов, положив трубку.
- Я этому мерзавцу-частнику рожу намылил бы, попадись он мне при встрече. Такого парня загубил!... - вскипел Губенко.
- Наверное, пьяный был.
- Тем более. Хотя... не верится мне в это.
- Почему?
- Да из головы не выходят те, из «девятки». Не их ли работа?
- Ты с ума сошёл, Паша! С чего бы им такое?
- Вот и я думаю - с чего? Ну взяли мы Наташу, ну не остановились...
- «Девятка» и «Волга» - как-то не стыкуется. Скорее всего, и впрямь случайность.

Губенко искоса взглянул на друга.

- Ну ладно. Пойду я, пожалуй... Хотя, какая уж сегодня работа.
- Он было двинулся к двери, но остановился.
- А ты всё же Наташу поищи, -добавил он, обернувшись.
  - Зачем?
  - Надо бы узнать, кто был в «девятке».
  - Не веришь в несчастный случай с Костей?
  - Не верю. Сейчас столько всякой сволоты развелось.

На другой день после похорон Добрикова, Глазунов отправился в редакцию оформлять отпуск. И хотя погода уже наладилась, настроение у него было не

отпускное. Мысли вновь и вновь возвращались к трагической гибели товарища.

«Жил человек - и нет его... Как нелепо погиб парень, - с горечью думал он. - Что в его смерти - роковая случайность или действительно чей-то злой умысел?»

На улицах было тепло и солнечно. Подсохли тротуары, самой настоящей весной веял лёгкий ветерок.

Глазунов ускорил шаг и уже через несколько минут был в редакции. Походил по кабинетам, распрощался с коллегами, получил в бухгалтерии отпускные, а напоследок зашёл к Губенко. В его лаборатории царил всё тот же алый полумрак, а сам он был непривычно хмур и немногословен.

- Может всё-таки сходим в полицию? - предложил Губенко, обменявшись с другом двумя-тремя ничего не значащими фразами.

- Пойдём, сходим, - на этот раз согласился Глазунов, чтобы хоть как-то успокоить его. - Я теперь человек свободный, - с грустной улыбкой добавил он. - Могу и в полицию, и на край света махнуть - времени хватает.

- Да я не о времени говорю! - взвился Губенко. - Ну не верю я в случайность происшедшего с Костей, Что-то здесь не так, понимаешь?

- Понимаю, понимаю. И я тебе не о времени. Когда пойдём?

- Сейчас сколько?

Глазунов посмотрел на часы.

- Всего одиннадцать.

- Вот сейчас и пойдём. С редактором я договорюсь. Ты посиди здесь минуту, я - мигом!

Губенко и в самом деле не задержался у редактора.

- Пойдём прямо в угрозыск, - возбуждённо сказал он, увлекая за собой Глазунова на улицу. - Расскажем там о Косте, о той девчонке... Ты всё же думаешь поискать её?

- Попробую, если понадобится.

К горотделу шли молча, хотя каждый думал об одном и том же: отнесутся ли там серьёзно к их сомнениям?

За стеклянной перегородкой дежурной части горотдела сидели двое: за столиком у окошка - пожилой, тучноватый капитан, за пультом - молодой младший сержант. Журналисты представились капитану, предъявив редакционные удостоверения. Капитан привычно-терпеливо выслушал их просьбу встретиться с руководством угрозыска, с кем-то созвонился и предложил им пройти в комнату номер семнадцать к начальнику уголовного розыска Корнееву.

Корнеев – широкоплечий крепыш лет сорока, в тёмно-синем костюме, встал из-за стола и зычным голосом сказал:

- Здравствуйте, товарищи... Капитан Корнеев. Проходите, пожалуйста. Присаживайтесь.

Они тоже назвали себя.

Глазунов огляделся. Кабинет Корнеева был небольшой: продолговатая, метров пятнадцать комната с двумя угловыми окнами, а в ней письменный стол с приставленными по краям стульями, сейф, шкаф, ещё пара стульев у входной двери, тумбочка с графином и стаканами на круглом стеклянном подносе... Обычный служебный кабинет.

Губенко первым прошёл к столу, уверенно сел. Глазунов последовал за ним. - Итак, я вас слушаю, - сказал капитан.

Друзья переглянулись: кто будет говорить, и с чего начать? Глазунов по-прежнему не был уверен, надо ли вообще о чём-то рассказывать.

И тогда заговорил Губенко. Волнуясь, торопливо, словно боясь, что его вот-вот прервут. Но капитан слушал с интересом, плотно придвинувшись к столу, сложив на его тёмной, полированной крышке крепкие руки.

Когда Губенко наконец умолк, капитан задумчиво откинулся на спинку стула.

- М-да... История с этой девицей мне тоже не очень нравится. Но, с другой стороны... - он перевёл внимательный взгляд с Губенко на Глазунова, потом опять на Губенко - и закончил свою мысль: - Я пока не вижу прямой связи этой историй с гибелью Добрикова. Ведь если согласиться с тем, что аварию ему подстроили пассажиры «девятки», то возникает вопрос: чем для них он был так опасен? Другое дело, например, - вы, товарищ, Губенко. Всё-таки сфотографировали их... Кстати, - встрепенулся Корнеев, - вы проявили пленку?

- Проявил, - безрадостно ответил Губенко. - Безнадёжное дело - одна чернота и расплывчатость. В каких условиях снимал...

- М-да, - опять протянул капитан. - Что же мне делать с вашей информацией?

Губенко вдруг вспыхнул:

- Без неё вам спокойнее? Не надо дело возбуждать, кого-то искать.

Капитан усмехнулся.

- У вас какое-то превратное мнение о нас. Нет, свой хлеб мы даром не едим. Работа есть работа!... Да и время сейчас другое - взыскивают не за рост уголовных дел, а как раз за уклонение от раскрытия преступлений. Так что, отмахнуться от вашей информации нам совсем не резон. Я ведь о другом думал - как правильнее распорядиться ею.

Глазунов с облегчением перевел дух. Всё это время, пока шёл разговор, он чувствовал себя не очень удобно: побаивался, что здесь их примут за пустых фантазёров. Но, как он понял теперь, капитана заинтересовало их сообщение. Поэтому Глазунов решил подать и свой голос.

- Распорядиться надо так, - сказал он, - отыскать эту девушку, её Наташей зовут. Через неё и выйти на предполагаемых виновников гибели Добрикова.

Капитан перевёл на него взгляд и снова чуть заметно усмехнулся.

- А как найти её - вы знаете? Где она живёт, работает или учится?

Глазунов смутился.

- Где живёт - не знаю. Говорила - учится в институте.

- В каком? У нас с вами нет ни её фамилии, ни фото. А поискать Наташу, конечно, надо: может, и впрямь девушка в беду попала, коль её так настойчиво проследовали. Вы сможете нам составить её фоторобот?

Глазунов кивнул и тут же с огорчением спросил:

- А что с Добриковым - никакой проверки по факту его гибели не будет?

- Почему же... Она и сейчас ведётся, но в ГИБДД. - Капитан потянулся к телефону, снял трубку, набрал номер.

- Михеев? Это из угрозыска Корнеев говорит... Разъясни-ка мне, пожалуйста, в чём суть дорожного ЧП с водителем Добриковым, случившегося девятого числа... Так... Так... Криминал усматривается?.. Нет?.. А автотехническую экспертизу проводили?.. Как для чего?.. Что значит - и так всё ясно?.. А мне вот, к примеру, неясно!... Ну да, не справился с управлением... А почему?.. Возможно, тормоза отказали?.. А почему отказали?.. Сейчас трудно установить?.. Металлолом, говоришь? Вот и надо покопаться в нём. Кто ведёт дело?.. Ты сам?.. Ну, так что же ты, Вася! Опытный работник, а такие объяснения мне выдаёшь... Да, я заинтересован в полном и объективном расследовании этого происшествия... И вообще - я тебя не узнаю, сдаёшь ты что-то, а, Вася. Дело надо делать так, как это и полагается, а не подлаживаться под обстоятельства... Нет, я не поучаю... Короче, мне, как и тебе, конечно, срочно нужен акт автотехнической экспертизы. И водитель той частной «Волги»... Всё, желаю успеха!

Капитан положил трубку, о чём-то секундочку подумал. Потом взглянул на журналистов, улыбнулся и тихо сказал:

- С товарищем моим, из ГИБДД, разговаривал. Толковый работник, и специалист хороший... Так что, не подумайте о нём плохо - просто сейчас запарился, вот в горячке и спорол чушь, потом сам всё равно до всего дошёл бы, выяснил истину. Он ведь тоже... - капитан взглянул на Губенко, - ужас, какой характерный.

Губенко с Глазуновым промолчали, лишь, как по команде, отёрли с лица испарину.

В кабинете, и в самом деле, было душно. Капитан поднялся, прошёл к окну, открыл форточку, и всем стало легче. Корнеев вернулся, снова склонился над столом.

- Так что же нам делать с вашей информацией? - без перехода повторил он свой вопрос и опять поочерёдно оглядел их. - У нас здесь пока нет оснований для возбуждения уголовного дела. Мало ли почему преследовали ту девушку: вдруг - просто приглянулась. Вы согласны?

Они нехотя кивнули.

- Ну вот, - продолжал капитан, словно не замечая их разочарования - оснований нет, хотя, сама по себе, как я уже говорил, эта информация заслуживает внимания и должна быть проверена. Значит, сделаем так... - он выпрямился. - Я сейчас запишу её как нашу с вами беседу и передам этот документ в ГИБДД.. Себе же оставлю копию и поработаю с ней. Не возражаете?

На этот раз кивки журналистов были живее.

Капитан выдвинул ящик стола, достал из него стопку листов чистой бумаги, положил один из них перед собой и принялся писать, уточняя у журналистов отдельные детали. Через полчаса процедура составления документа была закончена.

- А когда займёмся составлением фоторобота Наташи? -спросил Глазунов.

- Давайте прервёмся немного, - предложил капитан. - Сходите пообедать. Я тоже перекушу... Часам к трём и возвращайтесь.

- Значит, всё-таки будете искать Наташу? - не отступался Глазунов.

- Конечно. Девушку надо найти во что бы то ни стало. Ради её же безопасности, если Наташе что-то или кто-то угрожает, и... - капитан замялся.

- И? - переспросил Губенко.

- Ради вашей, товарищи, тоже, - твёрдо закончил капитан.

- Что вы имеете в виду? - насторожился Глазунов.

- Если следовать версии, что Добрикова убрали... - Капитан на секунду умолк, смущённо закашлялся.

- Извините, товарищи, за такое неприятное выражение, как «убрали», - заговорил он снова, - но оно яснее отражает суть проблемы... Ну так вот, если следовать этой версии, и если результаты автотехнической экспертизы, пусть даже косвенно, тоже наведут на это, то следующим кандидатом должен быть кто-нибудь из вас.

Капитан поднялся, задумчиво прошёлся по кабинету.

- Да, кто-нибудь из вас, - повторил он, остановившись. - Вот только...

Почему? Из мести - что не послушались их? Невероятно!

Глазунов и Губенко тоже встали. Мысль капитана о том, что их жизни угрожает опасность, теперь, после трагического случая с Добриковым, не казалась им такой уж неправдоподобной, наоборот - вызвала беспокойство.

- Ну что же, - подошёл к ним капитан. - До встречи после обеда?

Друзья натянуто улыбнулись в ответ.

Как только за ними закрылась дверь, капитан возвратился за стол, крепко задумался. Он чувствовал, что всё больше подпадает под воздействие убеждённости молодых журналистов, что авария была подстроена их товарищу, однако не покидало его и сомнение, казалось фантастичным само такое предположение. «Газетчики - народ, склонный к домыслу, - размышлял капитан. - Не впасть бы с ними в историю...»

Но привыкший не оставлять без внимания никакие, даже кажущиеся мелочью, факты, он не мог отмахнуться и от объяснений журналистов.

«А если Добрикова устранили как опасного свидетеля, способного опознать пассажиров «девятки», преследовавших Наташу, то какое или какие ещё страшные преступления скрываются за всем этим?» - подумал капитан и снова потянулся к телефону.

- Терентьев? - сказал он в трубку. - Это Корнеев. У тебя в НТО кто-нибудь из экспертов-криминалистов будет после обеда?.. Отлично, я подойду к вам с двумя товарищами. Надо срочно составить фоторобот. Ты не возражаешь?.. Ну, и лады. До встречи!

К вечеру фоторобот Наташи уже лежал у него на столе.

... Наташа! Где ж искать её? В городе немало институтов, и Глазунов решил обойти их все, начав с педагогического, в котором, как и в медицинском, девушек больше. Прикинул и схему поиска: сначала поговорить с вахтёрами - они-то уж всех студентов знают и помнят, потом - зайти в комитет комсомола, побывать на кафедрах... Его расспросы не должны удивить или насторожить, ведь он репортёр, так и будет всем представляться. Мол, девушка прислала в редакцию интересную заметку, а не подписала её, да и адрес не указала. Глазунов допил свой утренний кофе, надел плащ и решительно вышел из дома.

Этот понедельник обещал быть тихим и тёплым. Ярко светило солнце, кое-где на газонах проклёвывалась нежная зелень травы, а на тополях чуть слышно лопались почки... Всё это радовало, поднимало настроение. Он, не торопясь, спустился по переулку к трамвайной остановке, но в последнюю минуту решил, пройти до института пешком: чистый, прозрачный воздух так пьянил, кружил голову, что было бы грешно забиваться в душный вагон.

Пожилая вахтерша тетя Фрося, внимательно выслушав его, наморщила лоб, пытаясь отыскать в глубинах своей памяти образ Наташи, но, через несколько секунд, вздохнув, вымолвила:

- Не припоминаю такой... Уж, не взыщите, товарищ корреспондент.

Глазунов отнёсся к этому спокойно. Он и не рассчитывал на скорый успех, молча разглядывал спящих но вестибюлю студентов.

- А как пройти в комитет комсомола?

- Второй этаж и направо.

Однако и там его ожидала неудача. Ничего утешительного не могли сказать и на кафедрах. «Отсутствие желаемого результата - тоже результат, - философски подбодрил он себя. - Теперь - в мединститут!»

Но и у медиков о Наташе ничего не было известно. День заканчивался, и Глазунов устало зашагал в редакцию: ему вдруг захотелось снова встретиться с Губенко.

В душе почему-то вдруг возникла непонятная тревога.

. Вот и знакомая девятиэтажка, где на первых двух этажах располагалась редакция. У подъезда приткнулся к бордюру тротуара полицейский сине-жёлтый «Уазик». Для Глазунова это было такой неожиданностью, что он на миг остановился. Сердце неприятно заныло: что ещё случилось? Он рванулся к подъезду, взлетел по лестнице на второй этаж. По всему его коридору невесело бродили чуть ли не все работники редакции. Даже Главный угрюмо расхаживал здесь же. Глазунов подивился его виду: плечи сгорбились, под глазами набрякли мешки...

- Что случилось, Михаил Иванович?

Редактор кивнул головой в сторону фотолаборатории:

- Опять напасть навалилась... Губенко погиб.

На некоторое время Глазунов словно впал в прострацию, потом медленно пришёл в себя, лицо перекосилось, как от боли.

- Паша погиб?.. Не может быть!... Как? Когда?

- Полчаса назад... Я всё же решил рискнуть дать в очередной номер твой репортаж. Естественно, с моим комментарием. Попросил Губенко срочно подготовить снимки. Он ушёл от меня и... То ли фотоувеличитель оказался неисправным, то ли Губенко сам оплошал... Наверное, током ударило. Пашу уже увезли. - Редактор опять кивнул в сторону лаборатории: - Сейчас там полиция.

Он скорбно махнул рукой и умолк.

Глазунов ощутил в груди пустоту, словно рухнул с высокой скалы в бездонную пропасть. Он обессиленно прислонился к стене. Разум отказывался верить в случившееся.

Дверь фотолаборатории открылась, и в коридор вышел Корнеев. Он окликнул редактора, и минуты две они о чём-то тихо поговорили. Затем редактор попросил всех сотрудников разойтись по кабинетам. «Так как, возможно, с вами захотят побеседовать работники лиции», - вяло добавил он и первым уныло поплёлся в свои апартаменты.

Корнеев развернулся, заметил Глазунова, тут же подошёл к нему.

- Здравствуйте.

Глазунов молча обменялся с ним рукопожатием.

- Вижу, переживаете за друга, - продолжал капитан, понизив голос. - Что и говорить, грустная история.

- Опять несчастный случай? - глухо спросил Глазунов.

Капитан на секунду задумался.

- Пройдёмте к вам в кабинет, - предложил он. - Там и поговорим?

Глазунов тоже помедлил с ответом.

- Вообще-то, я в отпуске... Но можно и в кабинет.

- Тогда - минуточку, - сказал капитан. - Я товарищей предупрежу. - И скрылся за дверью лаборатории.

- Так что же всё-таки произошло? - спросил Глазунов, как только они очутились в его кабинете.

- Пока гипотеза одна - несчастный случай, - немного помолчав, подтвердил капитан. - Губенко, видимо, погиб от контакта с включенным в сеть фотоувеличителем, внутри которого электрошнур оказался частично оголённым и соприкасающимся с корпусом аппарата. Вот ведь какая нелепость. - Он внимательно посмотрел на репортёра. - Или вы опять думаете иначе?

- Думаю, - коротко бросил Глазунов. - Электрошнур можно преднамеренно оголить.

Капитан вздохнул.

- Возможно, вы и правы. Посмотрим, что скажет электротехническая экспертиза.

- А каков результат автотехнической? Её провели в ГИБДД?

Капитан ответил не сразу. Сначала попросил разрешения закурить. И лишь вдохнув дымок сигареты, сказал:

- Экспертизу-то провели...

- И что же? Или это следственная тайна?

- В какой-то степени - да... Пока могу назвать ещё одну из причин аварии «Москвича» - слабо закреплённый штуцер тормозного устройства... Вы что-нибудь смыслите в автоделе?

- Не очень, - признался Глазунов.

- Специалисты говорят, что это привело к утечке тормозной жидкости в цилиндре, и тормоза машины не сработали.

- Но Добриков - шофер экстра-класса! Он не мог бы не закрепить этот проклятый штуцер!

Капитан снова глубоко затянулся дымком сигареты. То, что Добриков был специалистом своего дела, он уже знал. Знали это и в ГАИ, потому-то там тщательно исследовали злополучный штуцер. Выявили на нем и на цилиндре отпечатки пальцев. Некоторые из них не были идентичны отпечаткам погибшего. Но вот об этом капитан был не вправе сейчас говорить. Он лишь уточнил:

- Кто-нибудь из сотрудников редакции или друзей Добрикова пользовался его машиной?

- Нет. Он берёт её пуце глаза. Машина, хотя и старенькая, но всё же, благодаря заботам Кости, ещё могла бегать и бегать. Он чистил, смазывал, следил за каждым винтиком.

- Ясно... А в лабораторию Губенко кто был вхож?

- Ну, знаете ли!... Уж не думаете ли вы, что кто-нибудь из нас, журналистов, причастен к его гибели?

Корнеев и бровью не повёл.

- Не там ищите, товарищ капитан, - запальчиво продолжал Глазунов. Кроме меня, у него не бывал никто, незачем было. Паша и приборку сам делал.

- Да вы успокойтесь, - примирительно сказал капитан. И подсадовал, что он не мог выложить своему собеседнику всю правду: в замке двери лаборатории эксперт горотдела обнаружил свежую царапину, а это наводило на кое-какие мысли. Выявлены и чьи-то следы обуви, с ними тоже следовало бы поработать... По мнению же самого Корнеева, с детства увлекавшегося фотоделом, не поддавался объяснению отмеченный хаос в хранении фотоплёнок: кассеты с ними, несмотря на имеющиеся специальные ящички, были словно вытряхнуты из них, грудями и вразброс валялись на полках шкафчика, что не позволил бы себе ни один фотограф. Капитан загасил сигарету.

- Я почему вас об этом спросил: порядок у нас такой - выяснять все обстоятельства, чтобы установить истину. Вы ведь в ней тоже заинтересованы, не так ли?

Глазунов опустил голову. Он уже не рад был своей вспышке: капитан добросовестно делал своё дело.

- Извините, - сказал он тихо. - Я погорячился. Что-то нервы за последнее время сдали.

- Ещё бы не сдать, - согласился Корнеев. - Подряд два таких происшествия. - А про себя с тревогой подумал: «Как бы не было вскоре и третьего». А подумав так, торопливо поинтересовался: - А те двое в «девятке», они могли видеть вас в машине Добрикова?

Глазунов сразу уловил смысл вопроса, невесело усмехнулся:

- Думаете, следующий на очереди в покойники я?.. Нет, маловероятно. В машине я сидел по другую сторону моих товарищей. К тому же, было темно... Как обо мне-то узнают? А вот за Наташу беспокоюсь. Если всё это дело рук её преследователей, то, наверное, ей больше угрожает опасность, чем мне.

«Пожалуй, - мысленно согласился с ним капитан. - Но как они вычислили его друзей? И почему решились на такое?.. Побоялись, что те заявят нам об этой непонятной погоне? Что же опасного было в этом?.. Загадка!»

Он снова посмотрел на журналиста.

- Вы не пытались отыскать Наташу?

- А вы?

- Специально - нет. Но дополнительно к другим заданиям личный состав горотдела сориентирован о ней... Но вы мне не ответили.

- Да, искал. Пока - безрезультатно.

Глазунов на мгновение умолк, потом вновь поднял на Корнеева загоревшиеся глаза.

- Я вот о чём подумал!... Почему бы вам не опросить сотрудника ГИБДД, о котором мы с Пашей упоминали? В ту ночь он остановил эту «девятку». Может, и госномер её записал?

«Молодец журналист, - похвалил его в душе капитан. - Голова работает». А вслух сказал:

- Это идея. Спасибо. И всё же мой вам совет - посидите пока дома, или поезжайте куда-нибудь на отдых. Вы же в отпуске! А мы тут сами постараемся во всём разобраться.

Глазунов мгновенно и вновь запальчиво отреагировал:

- Вот уж спасибо за заботу! У меня один за другим гибнут товарищи, а я должен дома отсиживаться? Нет! Вы делайте своё дело, а я... буду искать Наташу. Ей больше грозит опасность. А за мою жизнь беспокоиться не надо, я сам могу постоять за себя.

Капитан достал из пачки ещё одну сигарету.

- Хорошо. Поступайте, как хотите, Но давайте договоримся - звоните мне, если что. А я - вам. Дома есть телефон?

Глазунов молча подал ему визитную карточку. Капитан спрятал её в бумажник, закурил сигарету и стал прощаться:

- Что ж, до свидания... И всего вам хорошего.

- Вам тоже, - всё ещё сердито отозвался Глазунов. - Позвоните мне, как поговорите с постовым ГИБДД.

Капитан кивнул, однако, твёрдо решил больше ни о чём не рассказывать этому закусившему удила журналисту и как можно быстрее, на всякий случай, прикрыть его своими оперативниками.

7

Похороны Павла острой болью отозвались в сердце Глазунова. Бросая горсть земли в его могилу, он с трудом сдержал готовые вырваться слёзы. Зато они обильно струились по серокаменному лицу вдовы друга, застывшей с двумя крохотными девчушками у края глубокой, чёрной ямы. Вспомнились и похороны Добрикова.

«Зачем и кому понадобились эти трагедии?» - подумал он.

Глазунов стиснул зубы, мысленно поклявшись любой ценой отыскать и вытащить виновного на свет божий и на суд людской. А путеводная ниточка к этому есть, думал он, только бы найти Наташу!

Но побывал в следующем институте, химико-технологическом, лишь в четверг, после похорон. Бродил по коридорам, заглядывал в аудитории - Наташи не было нигде, и никто не мог ничего сказать о ней. Лишь однажды показалось, что мелькнул лучик надежды: рыхловатый, стареющий завкафедрой органического синтеза материалов Верховский словно в раздумье, замедлил с ответом. Но уже в следующее мгновение он развёл руками:

- К сожалению, таковой не знаю, молодой человек.

Глазунов вышел на улицу. Куда теперь? Он взглянул на часы - было около двух, самое время где-нибудь перекусить. Решил заглянуть в ближайшее кафе. Посмотрел там меню и ахнул - цены небывалые! Возросли в два-три раза. Но в зале так вкусно пахло жареным мясом, а в желудке так противно

посасывало от голода, что он махнул рукой и решительно прошёл в глубину зала.

Народу в кафе было немного: то ли заканчивалось время обеда, то ли отпугнули цены... Как бы там ни было, за столиком он находился в одиночестве, да и за другими сидели по одному - два человека. Он ел свой любимый борщ, жевал аппетитную отбивную, а сам всё думал о Наташе: где она может быть? И тут его взгляд упал на выходящую из соседнего зала золотоволосую девушку в голубом плаще: - «Да ведь это Наташа!»

Торопливо обтерев губы бумажной салфеткой, Глазунов рванулся вслед за девушкой. Нагнал её уже на улице.

- Наташа!

Она обернулась. Сразу было видно, что узнала его. Однако брови её нахмурились.

- Подождите, Наташа. - Глазунов поравнялся с ней. - Вы мне очень нужны. Нам надо поговорить.

- Где, здесь?

Глазунов осмотрелся. Почти рядом, на другой стороне улицы, начинался сквер.

- Пойдёмте в скверик.

Увидев в глазах девушки замешательство, он настойчиво взял её под руку, повёл через улицу.

В скверике были лишь молодые мамы с детскими колясками, да несколько старичков и старушек. Глазунов отыскал в глухом уголке свободную, тёплую от солнца скамейку.

- Так в чём дело? - сухо спросила Наташа.

Глазунов помедлил с ответом. Раньше думал, что увидит её, и тут же выложит все свои тревоги, горести и сомнения. А вот сейчас не знал, с чего начать.

Наташа глядела в сторону, ждала.

- Я искал вас... Все эти дни искал.

- Зачем? Разве я дала к этому повод? Или вы жалеете, что не воспользовались случаем, когда я оказалась в вашей квартире, и теперь решили наверстать упущенное?

Глазунов покраснел. Не мог не признать в душе, что несколько раньше такие мысли приходили в голову, тем более, что девушка и впрямь понравилась ему. Но справившись со смущением, он грубовато сказал:

- Да, было и такое: я ведь не монах, да и вы не уродина. Но сейчас меня это уже не волнует.

Девушка с удивлением посмотрела на него. На миг ему показалось, что возникший было в её глазах жгучий интерес сменился разочарованием.

- А что же волнует?

- Погибли двое моих товарищей. Те самые, что были со мной, когда вы подсели к нам в машину. Добриков и Губенко.

В глазах Наташи застыл ужас.

- Погибли?

- Да. Первый - на другой же день, в автокатастрофе, второй - вскоре после этого.

- И что же? Почему вы искали меня?

- Да потому, что их смерть навряд ли случайна! - взорвался Глазунов. - И вы, быть может, как-то причастны к этому.

Девушка вздрогнула. То ли от его тона, то ли от внезапного тяжкого обвинения. Губы её затряслись.

- Я не понимаю...

- Да что не понимать-то? - со вздохом приглушил голос Глазунов, уловив её обиду. - Как вы оказались на нашем пути? Почему те, в «девятке», преследовали вас?

В потемневших глазах девушки отразилось сильное волнение.

- Так вы считаете, что они... что из-за меня?..

Глазунов кивнул.

Девушка призадумалась.

- Не может быть, - с тревогой прошептала она. - Причём здесь ваши друзья?
- Вот и пытаюсь это выяснить. Я искал вас по всем институтам. Где вы учитесь?

Наташа горько усмехнулась.

- Уже не учусь... Сама себя вышибла.
- Как так?
- Прилип ко мне там один, не отвязаться...

Она снова задумалась.

- Да и, чувствую, попала из-за него в болото, в грязь... Теперь и не выбраться, не отмыться, наверное.
- Это он вас преследовал в тот вечер?

Девушка крутнула головой.

- Нет... А вот убегала от него. И не только потому, что приставал. - Её голос дрогнул. - Если, бы вы знали, какая я, оказывается, дурёха!

Глазунов пожал плечами.

- И вы правы, - сбивчиво продолжала она, - может, я и повинна в гибели ваших друзей. Эти парни, что гнались за мной, Бес и Длинный, они действительно способны на любую пакость. Им, наверно, приказали.
- Кто? Почему? Говорите ясней! - занервничал Глазунов, - Бес и Длинный - это их клички, как я понимаю.

Девушка заколебалась.

- А что вы сможете? Нет уж, лучше нам расстаться. Не подводите себя, не допытывайтесь. О вас-то они, наверное, ничего не знают.

Она встала, полуобернувшись к нему. И вдруг её глаза испуганно округлились, лицо побелело, губы приоткрылись, готовые выплеснуть крик. Он уловил за спиной какой-то шорох. В тот же миг что-то тяжёлое обрушилось на голову и сбросило его со скамейки. Он попытался подняться. Всё плыло перед ним, как в тумане. Но успел заметить троих парней в рыжих кожаных куртках и фирменных джинсах, прежде чем новый удар сбил его с

ног. Потом слышалась чья-то возня, глухие возгласы, попеременно с матом, топот ног...

Очнулся он от лёгкого похлопывания по щекам. Оказывается, сидел прямо на асфальте, раскинув ноги и привалившись спиной к скамейке. Рядом, на корточках, пристроился незнакомый, средних лет мужчина, со свежей ссадиной на лице.

Незнакомец облегчённо вздохнул.

- Ну?.. Как самочувствие? Сможете идти?

Глазунов осмотрелся. Старичков и старушек как ветром сдуло. Молодые мамы тоже торопливо увозили в колясках своих детишек. Ни Наташи, ни парней... Одни воробьи безмятежно шумели над головой. С помощью незнакомца он с трудом поднялся.

- Со мной была девушка, - сказал Глазунов, едва шевеля разбитыми в кровь губами. - Что с ней?

Незнакомец потёр ссадину.

- Они затащили её в машину... За штакетником стояла. Я не успел...

Попридержали меня.

Глазунов стряхнул с плаща и брюк комочки земли.

- Спасибо вам.

- Вы в состоянии идти? Как себя чувствуете?

- Нормально.

- И куда теперь?

- Не знаю...

- Дуйте в полицию - расскажите там, как всё получилось.

Глазунов внимательно посмотрел на незнакомца. Тот спокойно выдержал его взгляд.

- Кто вы? - спросил Глазунов. - Как оказались здесь - случайно?

Незнакомец покрутил по сторонам головой.

- И всё же я советую вам побывать в полиции. Мало ли что... - уклонился он от ответа. Повернулся и зашагал к выходу.

Глазунов побрёл следом. Голова гудела, колени дрожали. Он шёл и думал о бесстрашном незнакомце. Случайно ли тот оказался рядом в нужный момент? Уж не Корнеев ли приставил приглядывать?

«А-а, всё равно! - решил он. - Жаль только, Наташу опять потерял.»

Вспомнив о ней, Глазунов остановился. «А с ней что теперь будет? Может, действительно, податься сейчас прямо к Корнееву?.. Нет, капитан замучает вопросами. А что он ответит? Даже ни адреса, ни фамилию Наташи не узнал».

Да, он не пойдёт к нему. Будет сам продолжать поиск, и уж если вернётся к розыскнику, то лишь с убедительными фактами преступной деятельности напавших на него парней. На то он и журналист, чтобы уметь добывать факты. В этом его работа мало чем отличается от действий любого детектива. А к опасностям и угрозам ему не привыкать - столько их было за годы службы! Что ни разоблачительная статья или фельетон - сразу телефонные звонки, анонимные письма...

С этими мыслями он вернулся домой, чтобы привести себя в порядок, наметить план новых поисков. Но только присел за стол, как навалилась усталость, и уже ни о чём не хотелось думать. Он направился к кровати, и тут послышалась трель телефона.

- Владимир Николаевич? - раздался в трубке голос Корнеева.

- Да, я. - Недовольно ответил Глазунов.

- С вами всё с порядке?

- А что со мной может случиться?

- И всё же?..

В голосе капитана звучала ничем не прикрытая тревога, и Глазунов решил сменить свой тон. Всё-таки человек беспокоится о нём, проявляет заботу, так зачем фанфарониться? Ещё немного подумав, признался, что попал сегодня в неприятный переплёт.

- А вы почему мне позвонили? - спросил он, закончив рассказ. - Есть новости?

- Да, - коротко ответил капитан. - Сможете приехать в горотдел?
- Я, собственно, хотел отдохнуть...
- Отдохните. Часа два хватит?
- Конечно.
- Ну так буду ждать вас.

Два часа пролетели, как одна минута. Кажется, не успел он глаза закрыть, а уже затрещал будильник. Глазунов заставил себя подняться, встать под холодный душ. И через несколько минут, растираясь жёстким полотенцем, почувствовал, как силы вновь возвращаются к нему. Вскоре он уже был в кабинете Корнеева. Капитан внимательным взглядом окинул его с головы до ног.

- Смотрите ничего. Даже прилично. - Он указал ему на стул. - Нападавших запомнили?

Глазунов попытался представить их себе.

- Один - долговязый такой, рыжеватый, почти с лошадиным лицом. Второй - поменьше, посуше, посимпатичней, волосы, как у девицы - вьющиеся, длинные, до плеч... Тоже блондин... Напоминает того, в «девятке». Третьего не разглядел.

Он умолк, заметив на лице капитана выражение удивления и тревоги, появившееся при описании парней. Но тот уже задал новый вопрос:

- А что рассказала Наташа?

Глазунов поскущел.

- Почти ничего. Не успела.
- Даже - где живёт, учится?
- Ничего.
- Жаль? Где вы встретились с ней?
- В кафе «Волна». Зашёл перекусить, а Наташа уже на выход шла.
- И какова была её реакция?
- Занервничала.

- Вам так показалась или...
- Или! Потому и не удалось ничего выяснить.
- Но о чём-то всё же поговорили?
- Я рассказал о смерти Добрикова и Губенко. Не скрыл, что считаю её косвенно виновной в этом. Попросил Наташу объяснить, кто и почему преследовал её.
- И что же она?

Глазунов, как мог подробнее, пересказал содержание их разговора. «Бес» и «Длинный», - повторил капитан клички парней. И по тому, как он потом озабоченно взглянул на него, Глазунов понял, что ранее они уже были известны ему.

- При случае, сможете опознать их?

Глазунов кивнул.

- А убегала Наташа, значит, от другого человека. И не только потому, что приставал. - задумчиво продолжал капитан. - Интересно! И в какое же болото затянуло её? Ни намеком даже?

- Даже...

Капитан коротко хмыкнул:

- Хорошо, хоть вы уцелели. Не послушались меня, вот и заполучили...

Глазунов вспыхнул, как спичка.

- А если вас слушать, то мы и Наташу потеряем! Что вы-то смогли? Ведь я предупреждал - не мне, а ей грозит опасность. И вот - я жив, а девушку похитили... Зачем вы пригласили меня? Что хотели сказать?

Капитан поднялся из-за стола, походил по кабинету. Сегодня он уже многое мог бы рассказать журналисту. Взять, хотя бы, Беса и Длинного.

В городе, где никогда не слыхали о наркотиках, с конца прошлого года эта зараза вдруг выплеснулась на улицы. И ладно бы там гашиш или марихуана, которые могли завезти нахлынувшие с Юга продавцы экзотических фруктов и пряно-ароматных цветов, ладно бы эфедрин, промедол, мегадон и другие анальгетики, которые как-то можно приобрести или выкрасть в местных

аптеках и больницах, тут всё было бы ясно и не составило бы особого труда выявить поставщиков. Но у задержанных парней и девчат, приобщившихся к наркотикам, изымались иные вещества, красноречиво именуемые в их кругу «чёртом» и «крокодилом», вещества - в десятки раз более сильные, полученные явно путём синтеза органических соединений, но - не фабричного изготовления - государственная фармакология таких веществ, оказывается, не только не производила, но и не располагала для этого соответствующей технологией. Какой такой умелец и где сумел наладить их производство?.. Задержанные наркоманы назвали в числе сбытчиков двух парней с кличками «Бес» и «Длинный», давали их приметы. И вот они всплыли снова. Да еще при таких обстоятельствах!...

Капитан мог сообщить и о том, что отпечатки их пальцев, уже зафиксированные экспертами горотдела, сошлись с изъятыми с фотоувеличителя Губенко и тормозного цилиндра машины Добрикова. Факт, подтверждающий, что дорожная авария и неисправность фотоувеличителя были подстроены, и именно Бесом и Длинным.

«Но что подвигнуло их на это? - размышлял капитан. - В чём причина?..

Возможно, им приказали, как сказала Наташа. Почему приказали? Не потому ли, что Бес и Длинный засветились, преследуя её, а засветившись, подставили под удар своего хозяина, таинственного разработчика синтезированных наркотиков? Видимо, так оно и есть. Не ясна пока в этом роль Наташи. Что её связывает с такой компанией? Тоже сбытчица, решившая вырваться из грязного бизнеса, или - проштрафившаяся наркоманка, не сумевшая вовремя оплатить полученное зелье?

Его мысли прервал нетерпеливый голос Глазунова:

- Я слушаю...

Капитан подошел к сейфу.

- Кстати, о Наташе. Есть у нас одна на примете.

Глазунов вскинул брови.

Капитан раскрыл сейф, снял с полки два больших конверта и высыпал на стол из одного из них фотографии девушек.

- Посмотрите внимательно - не признаете ли кого?

Глазунов впился в снимки. На одном из них улыбалась Наташа.

- Вот! - радостно воскликнул он, указав на снимок. - Это Наташа! Откуда он у вас?

Капитан усмехнулся.

- Пересняли в одном из институтов. Посмотрели личные дела студенток, сравнили имеющиеся в них фотографии с фотороботом Наташи... Всё очень просто. А вы говорите, что не можем...

Глазунов покраснел, а капитан рассыпал перед ним новые снимки - фотороботы парней.

- А среди них - есть кто знакомый?

Глазунов присмотрелся.

- Вот эти двое, - взял он пару снимков. - Очень похожи на тех, что были сегодня в сквере. Один, видите, как херувимчик, другой - длиннолицый, с чёлочкой.

- Всё правильно - Бес и Длинный.

- Так вам они известны?

- Отчасти.

- Я говорил вам - надо бы постового ГИБДД спросить. Может, у него заисан номер их машины.

- Уже сделано, - ответил Корнеев, убирая снимки в конверты.

- Номер записан. Но, к сожалению, на учёте в ГИБДД он не значится. Видно, поддельный.

- А что известно о Наташе?

Выражение лица капитана чуть заметно изменилось. Поколебавшись, он ответил:

- Знаем фамилию, где жила... Она ведь не местная, поселилась в студенческом общежитии. Но это - и всё. С того момента, как покинула вашу

квартиру, ни в институте, ни в общежитии она не появлялась. Наверное, укрывалась у какой-нибудь подруги, чтобы избежать нового преследования. Теперь, конечно, если её похитили, отыскать Наташу будет значительно сложнее.

- Всё равно, - будем искать!

- Будем, но только мы - работники полиции, - поправил журналиста капитан.

- И я опять настоятельно прошу - не вмешивайтесь, не доставляйте нам лишних забот.

Глазунов вновь застегнулся на все пуговицы.

- У вас всё ко мне? - поднялся он.

- Да, всё, - сухо ответил капитан. - Но вам ещё вскоре предстоит разговор со следователем.

- В связи с сегодняшним событием?

- И с ним тоже. Так что, прошу никуда из дома надолго не отлучаться.

Глазунов молча кивнул и пошёл к двери. Капитан лишь с сожалением покачал вслед головой и потом ещё долго стоял у окна, вглядываясь в затухающее зарево заката.

Вернувшись к столу, он поднял трубку телефона, набрал номер.

- Петров? Это Корнеев. Я по поводу той троицы в сквере. Почему Матвиевский не применил к ней оружие?.. Что? Рядом другие люди были?.. Понятно... Нет-нет, всё правильно. Я почему звоню, журналист опознал в нападавших Беса и Длинного, вот ведь кого мы упустили... Кто его сейчас прикрывает? Ну, этот тоже не подведет... И вот ещё что, принеси-ка план операции «Уют» и все к ней исходные материалы - появилась тут у меня в отношении Беса одна мыслишка, хочу проверить, не состыковываются ли?..

Утром следующего дня, плещась водой над раковиной в ванной, Глазунов мысленно вспоминал свой вчерашний разговор с Корнеевым.

«Эти детективы всё испортят, - подумал он, отправляясь на кухню варить кофе. - Пока стану ждать вызова следователя, пока буду объяснять ему что-то, столько времени уйдет! А что нового расскажу? Чем реально смогу помочь следствию?.. А Наташа мается где-то. Да и Бес с Длинным могут залечь на дно...»

Кажущееся ему бездействие работников милиции всё сильнее тяготило и раздражало. Его вновь охватило лихорадочное нетерпение.

«Нет! Нельзя терять ни минуты. Искать и искать их всех!»

Ещё накануне, возвратившись из горотдела, он уже наметил план поиска. План этот, по его мнению, был прост и ясен. Отправной точкой служил стыковочный выход просёлочной дороги на магистральное шоссе в районе двадцатого километра - то самое место, где он впервые увидел Наташу. Ход его мыслей был таков. В тот памятный поздний вечер она бегством спасалась от какого-то неприятного ей типа. На том же месте появились и Бес с Длинным, посланные вдогонку. Значит, где-то поблизости их логово. Именно туда они и могли возвратить беглянку. Теперь ему надо как-то добраться до той просёлочной дороги, проследить за всеми курсирующими по ней «девятками» и таким образом выйти на похитителей. Он, правда, не знал, как поступит дальше: то ли попытается выручить Наташу а потом уж известит обо всём Корнеева, то ли сразу запросит его помощь... Однако намеченный план он одобрил и теперь весь пылал нетерпением воплотить его в действие. К двенадцати Глазунов вышел на улицу. В район двадцатого километра ходили рейсовые автобусы: где-то рядом, по слухам, располагались Дом рыбака, санаторий и кооперативный однодневный пансионат «Уют». В рейсы автобусы отправлялись с автовокзальной площади, и Глазунов поехал туда, с трудом втиснувшись в переполненный троллейбус.

Ему не повезло: у касс автовокзала толпилось немало пассажиров, и он долго простоял в очереди за билетом. Когда же он придвинулся к окошку кассы, оказалось, что его автобус уже ушёл, а следующий будет лишь через два часа.

Он слонялся по залу ожидания, не зная, куда себя деть. Поискал глазами буфет. Тот оказался поблизости.. Он поднялся с жёсткого, деревянного дивана, направился к буфету. И тут заметил, что с другого дивана привстал ещё один человек, в такой же, как у него, надувной чёрной куртке, и этот человек последовал за ним. Он насторожился, но в буфете незнакомец с безразличным видом отвернулся к окну, и Глазунов успокоился.

Однако на перроне незнакомец вновь попал в поле зрения. Причём, заметив это, спрятался за ближайший ларёк. Глазунов задумался: «Неужели следят за мной?.. Не из компании ли Беса?»

Неторопливой походкой он возвратился в коридор автовокзала, там нырнул за дверь служебного входа. Взглянул на часы: через минуту отходит его автобус. Незнакомец мечется, наверное, где-нибудь в зале...

Глазунов решительно рванул на себя дверь и снова выскочил на перрон...

В автобусе место досталось удобное - в центре салона, у окна, в правом ряду. И ровно в 16.00 автобус отправился в путь. В салоне было тепло, мерно и убаюкивающе гудел двигатель, за окном мелькали придорожные, все в нежной зелени тополя, и Глазунов незаметно для себя задремал. Ему привиделось, что он уже прибыл на место. Вокруг непроницаемая мгла и жуткая тишь. Вытянув руки, спотыкаясь на рытвинах, он насторожённо бредёт к мерцающему далеко впереди огоньку. Всё ближе и ближе... И вот уже из мрака выступают очертания деревьев, высокой ограды и прячущегося за ней огромного мрачного дома, чуть освещённого призрачным светом того самого огонька. Он ищет калитку - её нет. Ищет хотя бы какую-нибудь щель в ограде - и не находит. Тогда он цепляется за ограду и пытается перелезть через неё. Это удаётся с трудом, он даже взмок от усилий, но всё же мешком сваливается по ту сторону.

«Вот и приехали. Уже двадцатый!» - слышит он громкий голос, и чьи-то руки трясут его плечо.

Глазунов с хрипом дёрнулся, приоткрыл веки.

- Гражданин, уже двадцатый километр, - тормозил за плечо сосед. - Вам, как будто бы, нужна эта остановка?

Глазунов перевёл дух, поблагодарил соседа и поднялся с сиденья. На лице выступила испарина, рубашка под пиджаком взмокла...

«Надо же, какая чертовщина приснилась, - подивился он, пробираясь к выходу. - Нервишки совсем сдали».

Он сошёл на обочину. Автобус обдал его жаром и покатил дальше. Глазунов осмотрелся. Да! Вот слева знакомый съезд на просёлочную дорогу. Вот столб, у которого «голосовала» Наташа. Она могла появиться здесь только с просёлочной дороги, потому что прямо по шоссе и в обратном направлении населенных пунктов нет. Значит, надо идти по просёлочной...

Он достал платок, вытер лицо, распахнул куртку, чтобы хоть чуть-чуть охладиться и, не торопясь, зашагал по узкой щебёночной дороге. Прошёл не более полукилометра, как дорога свернула влево и повела к сосновому бору. Глазунов остановился в раздумье: что делать - идти дальше, или вернуться? Есть ли в этом бору какое-либо жильё? И всё-таки решил довести дело до конца, узнать - куда же ведет эта дорога. И вскоре сосны обступили его со всех сторон.

Глазунов прошагал ещё минут десять, прежде чем дорога сделала новый поворот, и он очутился прямо перед глухой высоченной оградой с железными створками ворот, за которыми укрывался потемневший от времени большой особняк.

Глазунов сошёл с дороги в глубь сосен, укрылся за массивным стволом одной из них, задумался: что за особняк?

Дом рыбака, как объяснили ему в автобусе, находился по другую сторону шоссе и много дальше двадцатого километра. Санаторий? Но за дощатой оградой ни звука, кругом тишина.

Он стал ждать, не покажется ли кто на дороге. Если бы из ворот вышли люди, можно было бы организовать «нечаянную» встречу с ними,

поговорить... Могли прибыть или выехать машины - тоже стоило бы понаблюдать за ними...

Так он и простоял с полчаса, прячась за соснами. Но ни на дороге, ни за оградой особняка не было никакого движения. А уже начинало вечереть. Красноватые лучи солнца всё слабее освещали стволы сосен, удлиняли их тени...

Глазунов достал из пачки сигарету, закурил. Положение, в котором он по своей воле оказался, всё более смущало его: сколько можно чего-то ждать? Со стороны смешно, наверное, видеть его таящимся за деревьями. Не лучше ли вернуться в город, признаться Корнееву в своем поражении?

И всё-таки он решил выждать ещё с полчаса. И был вознаграждён за терпение: створки железных ворот наконец раздвинулись, и на дорогу выкатилась машина. Он до боли напряг глаза: новенькие «Жигули» синего цвета - «девятка!» А за рулём Длинный, в шапочке - «петушок»...

Машина укатила, и Глазунов принялся размышлять, что же предпринять дальше. В груди волной поднималась радость: «Нашёл их логово!»

Лучи солнца совсем погасли, и он переместился ближе к ограде. За ней по-прежнему царил тишина, в которой, как он теперь был уверен, скрывался Бес.

«Может, лучше вернуться в город и обратиться за помощью к Корнееву?» - засверлила в мозгу прежняя мысль. Но Глазунов опять отбросил её, выругав себя за возникшую вдруг несвойственную ему прежде нерешительность. Нет, он проберётся в особняк и сам попытается выручить Наташу. К тому же, его задача облегчается хотя бы тем, что с отъездом Длинного в доме на одного бандита стало меньше. Что же время терять? А с Бесом, если тот встанет на пути, он как-нибудь справится. В скверике тот напал на него из-за спины, да ещё втроём. Пусть попробует удержать его, встретившись лицом к лицу... Потом и Корнеев со своими детективами может вступить в дело, так сказать - завершить его. Он настолько ушёл в себя, что не заметил, как стало совсем темно.

Неожиданно яркий луч автомобильных фар, вырвавшийся с дороги, осветил ворота и небольшую табличку на ограде: «Однодневный пансионат «Уют».

Глазунов недоумевающе замер: «Пансионат?» В груди заняло от досады. Он-то считал, что нашёл убежище Беса, а теперь что же - возвращаться ни с чем? Наверяд ли здесь прячут Наташу.

Чёрная «Волга» развернулась у ворот. Из машины вывалился круглый, как шар, толстячок в плаще и шляпе, нажал под таблицей круглую кнопку.

Динамик на входной двери зашипел, потом выплеснул густой баритон:

- «Уют» слушает.
- Я на отдых., - радостным дискантом отозвался толстячок.
- Номер путёвки?
- Пятый.
- Проходите.

Дверь отворилась, и толстяк прошмыгнул за ограду. «Волга» тут же сорвалась с места.

Вся эта сцена заняла не более минуты, Глазунов даже не успел осмыслить её как следует.

«Надо было остановить машину и двигаться к дому, - снова с досадой подумал он. - Теперь когда ещё доберусь до города. Последний рейсовый автобус уже ушёл, наверное».

Он взглянул на часы. Поздновато, а до шоссе ещё топать и топать. Глазунов опять достал сигарету.

«А всё-таки, как здесь оказался Длинный?»

Он нервно закурил, проигрывая в уме варианты ответа. Получалось, что не случайно. Именно отсюда убегала от своих преследователей Наташа, и именно здесь вновь появляется Длинный. Уж, не в «Уюте» ли разыгралось начало всей драмы?.. Что из того, что этот особняк - пансионат? В нём вполне могут свить себе гнездо такие, как Бес и Длинный, их хозяин. Глазунов придавил носком ботинка окурок сигареты.

«Будь что будет - попытаюсь пробраться в это гнездышко. Только бы найти в него щёлочку».

Он двинулся вдоль ограды, обходя её слева и старательно ощупывая крепкие тёсовые доски. Прошёл метров пятьдесят до угла - все доски приколочены намертво. Направился вдоль следующего пролёта. Тот оказался ещё длиннее, а доски были всё так же прочно пригнаны одна к другой. Опять свернул за угол, и опять - доски не поддавались...

А небо вдруг затянуло тучами, и стало совсем темно. Притаившись на прежнем месте, он с унынием отмечал про себя, как всё новые и новые машины доставляли к воротам «Уюта» радостно-возбуждённых мужчин и женщин. Вернулся и Длинный...

Наконец, вокруг опять улеглась тишина. Она-то и подтолкнула его к очередным действиям. Ещё раньше, обходя ограду, он заметил с тыльной стороны груды строительного мусора: разбитые кирпичи, обрезки арматуры, обломки досок и брёвен... Теперь он решил воспользоваться этим хламом, чтобы проникнуть на территорию особняка. Спотыкаясь на кочках и рытвинах, Глазунов осторожно двинулся в обратном направлении. Идти мешали кусты и деревья. Они цеплялись острыми ветками, царапали лицо... В кромешной тьме было трудно ориентироваться, и время от времени он прижимался плечом к забору, чтобы не сбиться с пути. Груда мусора должна была находиться справа от него и не дальше 25-30 метров. Кусты там редели, деревья отступали...

Он насчитал сорок шагов, прежде чем с трудом увидел то, что нужно. Подтащил к ограде доски. Пару наиболее широких и длинных приставил под углом к ограде, подпёр их для прочности обрубками брёвен и принялся карабкаться вверх. Но ограда была так высока, что он никак не мог забраться, не раз срывался. Всё происходило, как в недавнем сне в автобусе!... Он весь взмок, пальцы саднили, кое-где на ладонях содралась кожа... И лишь последним усилием, в каком-то отчаянном рывке, ему всё же удалось

зацепиться за козырёк ограды, подтянуться и забросить на него своё отяжелевшее от усталости тело.

С минуту он отдыхал, сидя на козырьке, как всадник на старой кляче. Потом стал осторожно сползать по другую сторону ограды. Второго самодельного трамплина внизу, конечно же, не было, и он повис, как куль с песком. Но вскоре одеревеневшие пальцы рук разжались, и он мешком грохнулся оземь. Тотчас где-то злобно залаяла собака.

«А сон-то мой в руку» - с тревогой подумал Глазунов, растирая ушибленное колено. Он тяжело поднялся, осмотрелся. В темноте смутно угадывались очертания всё тех же кустов и деревьев, а за ними, далеко-далеко, там, где должен был находиться особняк, одиноким светлячком мерцал слабый огонёк.

Глазунов на некоторое время замер, чутко вслушиваясь в замирающий лай собаки. А потом опять стал пробираться. В установившейся тишине он слышал каждый свой шаг. Под ногами мягко пружинила и шуршала опавшая с сосен хвоя. По спине катился холодный пот, в ушах звон, сердце билось так, словно стремилось вырваться наружу.

Он уже почти добрался до особняка, когда чьи-то грубые руки крепко схватили его за плечо.

«Всё, голубчик, приехали!» - раздался над ухом сиплый голос. Те же руки резко развернули его, в глаза ударил луч фонарика.

- Ба! Да это же наш старый знакомый, - протянул всё тот же голос, и

Глазунов догадался, кому он принадлежит - Длинному.

- А мне-то сказали, что какой-то ханурик вертится у ворот. Спасибо собачке, помогла... Тащите-ка его, ребята, к шефу!

Глазунов попытался вырваться, но получил такой удар под ложечку, что перехватило дыхание. Он переломился от боли и рухнул на жухлый пенёк

В этот вечер было его дежурство, и Бес привычно прошёлся по этажам. В холле первого, лениво развалившись в креслах, перемалывали в зубах жвачку

парни внутренней охраны, в номерах второго - похотливо посмеивались перезрелые, толстобрюхие «жеребчики» - клиенты, повизгивали снятые ими на ночь захмелевшие «девочки». В малом зале, где на столе с чёрными и красными квадратами игрового поля мерно крутилось колесо рулетки, среди гостей бесшумно сновали услужливые официанточки с подносами.

Бес перехватил одну из них, блондинку. Взял рюмку с коньяком, махом осушил её. К нему мгновенно приблизилась другая девушка, брюнетка. На её подносе красовались бутерброды с чёрной икрой на белых ломтиках масла. Бес поморщился: не переносил сливочное масло.

- Мне бы с сыром.

Брюнетка исчезла.

Он перевёл взгляд на блондинку. Её зеленоватые глаза призывно улыбались, крутые бёдра под чёрной юбкой в обтяжку и полуоткрытые тугие груди, выпирающие из-под тесной белой блузки, невольно притягивали взгляд.

«Хороша девка» - отметил Бес. С этой блондинкой он ещё не был близко знаком, и, облизнув свои враз пересохшие губы, коротко выдохнул:

- Жду у себя, в двенадцать.

Блондинка кивнула, неторопливо отошла.

Бес не стал дожидаться бутербродов, отправился осмотреть главный объект - отсек в подвальном помещении, куда абсолютному большинству обитателей особняка вход запрещался. Отсек был единоличной вотчиной Профессора и охранялся особенно строго, лишь однажды, одним глазком удалось заглянуть туда, когда пришлось устранять неисправность в сигнализации: небольшая квадратная комната с искусственным освещением, на двух столах - штативы, колбы, реторты, пробирки, вдоль стен - холодильные шкафы, какие-то диковинные механизмы, похожие на микроволновые печи...

И ему сразу стало ясно - это лаборатория, в ней проводятся химические опыты. Может быть, даже - по производству наркотиков, потому что пахивало там отвратительно. Да и сами наркотики, которые Шеф передавал ему для продажи, - откуда бы им взяться: Шеф никуда из «Уюта» не выезжал,

никаких поставщиков здесь не замечалось... А того же «крокодила» он сплавлял ему для сбыта немалыми дозами. Понятно теперь, почему Профессор так цеплялся за эту беглянку Наталью. Девка - из его лаборатории. Наверняка, в чём-то помогала, а значит, и причастна к тайне лаборатории. «Бес не дурак, Бес всё на лету схватывает!»

Он спустился в подвал.

И здесь всё нормально: над железной дверью отсека помигивает красная сигнальная лампочка, горит и синий глазок блока звуковой сигнализации, выведенной в коридор первого этажа...

Бес закурил, успокоенно стал подниматься по лестнице из подвала. Не успел он выйти в коридор, как к нему подлетел взъерошенный от возбуждения

Длинный:

- Хмыря одного поймали!
- Где?
- Через ограду перелез, с задней стороны.
- Кто такой?
- Сам увидишь. По-моему, вчерашний, что с Натахой был.

Глаза Беса сузились.

- Где он?
- С ребятами в холле.
- Пошли! Проверим, что за птица к нам залетела.

Глазунов с тревогой встретил их появление. Понимал, что по своей вине попал в такую пренеприятную историю, из которой ему, наверное, не выкарабкаться. Связанного, его бросили прямо на пол, и теперь, полураздетый, он неудобно лежал на боку, привалившись к кадке с фикусом, ожидая расправы.

- Да! Старый знакомый, - приглядевшись к нему, язвительно усмехнулся Бес.
- И зачем ты к нам пожаловал?

Глазунов тоже узнал Беса, хмуро отвернулся. Всё-то у него в последние дни шло через пень - колоду, думал он. «Полагаешь, что поймал, а смотришь - сам

попался». И сейчас что-то сочинять, а тем более - говорить правду ему не хотелось. Пусть, думал, разбирается с ним кто-нибудь другой, фигура поважнее, кто волен решать не только его, но и их судьбы. Вот с ним он, возможно, и объяснился бы, постарался найти выход.

Бес сообразил, что означает молчание пленника, в ярости закусил губу.

- Тащите его в подвал, - буркнул он Длинному. - А я пока доложу шефу.

- А куда - в подвал? Там лишь одна подходящая клетуха - с его девахой.

- Вот пусть они напоследок ещё раз и поворкуют, - прошипел Бес и зло пнул журналиста носком ботинка. Длинный, оскалившись, заржал.

Глазунов скорчился от боли, но промолчал.

Парни волоком потащили его в подвал. Ступеньки пересчитали ему все рёбра, но Глазунов и тут не подал ни звука, лишь крепче стиснул зубы.

Комнатушка, куда его бросили на пол, была небольшой, с низким потолком и без окон. Тусклый свет пыльной лампочки в нише над дверью едва освещал помещение, в котором ни стены, ни дощатый пол не были даже покрашены. Из обстановки - только старый, обшарпанный стол, такой же стул, да в углу железная кровать с чёрным матрасом и подушкой без наволочки. С матраса поднялась женская фигура и двинулась к Глазунову.

- Господи, это вы?! - присела она у его ног.

- Наташа? - с трудом узнал её Глазунов. Девушка была в помятом, изорванном платье, лицо осунувшееся, в синяках, волосы спутаны...

- За что вас так?

Она смущённо потупилась.

- А вас?.. Как вы здесь оказались?

Теперь и ему пришла очередь горько усмехнуться.

- Хотел выручить одну приятную особу, да сам угодил в капкан.

Уголки губ Наташи разошлись в виноватой улыбке. Девушка наклонилась, легонько прижалась щекой к его щеке, чуть слышно благодарно прошептала:

- Спасибо...

Её волосы упали ему на лицо. От их прикосновения по всему его телу прокатилась тёплая волна. Он почувствовал неловкость. К тому же волосы мешали дышать, и он попытался повернуть голову. Девушка сразу отстранилась, участливо посмотрела на него.

- Вам больно? Давайте попробую развязать.

Но узлы прочной капроновой бечевы на руках не поддавались, и девушка огорчённо признала своё поражение.

- Попробую перетащить вас на кровать, - предложила Наташа. - Там вам будет полегче.

Она ухватила его за плечи, потянула на матрас. Её силёнок явно не хватало, чтобы перевалить его на кровать, но, в конце концов, ей это всё же удалось, и Глазунов расслабленно замер на тюфяке, даже зажмурился.

Наташа поправила подушку, приставила к кровати стул, утомлённо присела.

- И всё-таки, как вы здесь оказались? - снова спросила она.

Веки его глаз чуть заметно дрогнули, потом приоткрылись.

- Куда вас увезли - было не трудно догадаться. Сложнее оказалось отыскать это логово, - ответил он. - Сошёл с автобуса на двадцатом километре, свернул на просёлочную дорогу, она-то и привела сюда, а когда увидел, как из ворот выехал на машине один теперь общий знакомый, понял - вас прячут здесь, и нигде больше. Оставалось найти возможность перебраться через ограду...

Глазунов умолк, с горечью вспоминая о постигшей его неудаче.

- И вы перебрались, - грустно закончила за него Наташа.

Он повернулся к ней, увидел её сочувствующие глаза и недовольно сказал:

- А теперь вы мне объясните, наконец, что здесь за компания собралась и какое вы к ней имеете отношение?

Наташа вздохнула.

- Самое прямое.

Она встала, прошла по клетушке.

- Не знаю, сколько времени нам с вами осталось, и осталось ли...

Их взгляды на мгновение встретились, и она расстроено опустила голову.

- Что, положение настолько плохо? - спросил Глазунов.
- Хуже не придумаешь, - остановилась у двери Наташа. Прислушалась к тишине в коридоре. - Знали бы вы, в какое осиное гнездо вас угораздило...
Она вновь присела на стул.
- Ладно, расскажу всё по порядку... Считается, что здесь, в особняке, обосновался кооперативный пансионат «Уют». Так оно поначалу и было. Хозяин «Уюта» Проханов Георгий Эдуардович, вы его ещё, наверное, увидите, - человек жёсткий, алчный, но полный профан в ведении хозяйства. Уже через полгода после открытия «Уюта» он почти разорился, и прогорел бы основательно, не загляни к нему на огонёк другой, более хваткий жучила. А дальше пошло-поехало! В «Уюте» появились девочки, игорный зал с рулеткой...
- Так это же наказуемо! - не удержался Глазунов.
- Конечно. А кто выдал бы? Путёвки в «Уют» служат хорошим прикрытием этого вертепа и продаются, естественно, не каждому желающему, а с выбором, для строго проверенных, прожжённых дельцов, из кого можно составить постоянную, а главное - надёжную, выгодную, с большими связями клиентуру. И всех, для верности, повязывают фотоиллюстрацией их оргий... Кому потом захочется облить себя помоями? К тому же здесь можно не только хорошо погулять, но и завязать выгодные сделки, получить в долг крупные суммы денег, заручиться поддержкой друг друга.
- Понятно, - зашевелился Глазунов, пытаясь сменить позу, чтобы отдохнули затёкшие руки и спина. - Но вы как здесь оказались?
- Наташа помогла ему привалиться к стене.
- Я-то?.. По глупости и бедности, - не сразу отозвалась она. Снова прошлась к двери и прислушалась, прежде чем вернулась на место. - Я ведь студентка, причём, - не местная. Попробуйте просуществовать на стипендию, если и родителей нет, и помочь некому... Жизнь сегодня, сами знаете, какая дорогая. А в нашей студенческой тусовке без «фирмы» и показаться стыдно. Хотелось приодеться получше, как другие, и... Да что говорить! Вы знаете, сколько

сегодня стоят, например, самые обыкновенные колготки, а главное - где их взять? Только на рынке. А там они - за тридцать, одеколон - двадцать пять, о духах уже и не думаешь, тюбик помады - пятнадцать, простые туфли - от ста до двухсот. А ведь хотелось бы и в «Монтане» погулять, да на шпильках, в чулках ажурных походить - как все!...

- И что же, - нахмурился Глазунов, - тоже сюда «ночной бабочкой» впорхнула?

Он тут же ощутил на себе её протестующий взгляд, по стойко выдержал его, и тогда по лицу Наташи скользнула лёгкая улыбка.

- Нет, Володя. До такой жизни я ещё не скатилась.

Оба и не заметили, как перешли на более близкое обращение друг к другу.

Глаза Наташи потемнели.

- Да, не скатилась, - глухо повторила она. - А вот на иной лёгкий заработок клюнула. Второй-то хозяин «Уюта», его здесь у нас Профессором зовут, в своём отвратном деле действительно профессор. Он химик. И химик отличный. Вот и надумал организовать здесь лабораторию. Поначалу всё различные секс-пилюли, мази да кремы готовил для любовных утех клиентов «Уюта». Среди них ведь и слабаки попадают, да и девочки порой чересчур привередливы. А тут проглотят пилюльку, или помажутся кремом, и такая у всех страсть разыгрывается, не удержать...

Наташа спохватилась, залилась румянцем.

- Ничего, ничего, - успокоил Глазунов, хотя почувствовал, что и сам покраснел. - Сыпь дальше, если нельзя без подробностей.

- Ну вот, - не сразу продолжила Наташа. - Доходов от всего этого Шеф и Профессор получали немало. Но велики были и расходы - на ту же охрану, например. Здесь ведь такие мальчишки работают - в момент любому голову оторвут. А за это им хорошо платить надо. Все - бывшие боксеры, борцы, каратисты...

И Профессор решил заняться производством наркотиков. Да не из маковой соломки или опия - сырца, что само по себе требует громадных затрат на

приобретение их у сбытчиков, а из других, более доступных, но не менее сильных анальгетиков, путем их органического синтеза. Пришлось Шефу рискнуть всем состоянием, так как для производства наркотиков нужно было приобрести соответствующие компоненты и оборудование. Профессор всё достал. Делец он - что надо! Да и на взятки не скупился. А когда понадобился в лабораторию помощник, выбрал меня, как лучшую ученицу на его кафедре в институте.

Наташа вновь умолкла, словно вспоминая, как это случилось. Глазунов тоже молчал, чтобы не сбить её с мыслей.

- Это сегодня я так обо всём информирована, - продолжала свой рассказ Наташа. - А когда в конце прошлого года Профессор предложил мне поработать с ним в лаборатории, я и думать не могла, к чему это приведёт. Обрадовалась, дурёха, что такой учёный человек остановил свой выбор на мне, и что дополнительно к стипендии смогу получить ещё две - три сотни рублей. По моим тогдашним понятиям - целое богатство! А на деле, после реформы цен, - крохи, по сравнению с доходами моего благодетеля.

Глазунов снова вытянулся на матрасе.

- Но готовить наркотики... Эту отраву... Как ты могла? - произнёс он с досадой.

- Сначала - только мазь и кремы. И то - лишь отдельные их компоненты, даже не догадываясь, для чего они Профессору. Окончательную доводку препаратов он всегда проводил сам. Так же обстояло дело и с наркотиками. Я лишь слепо выполняла его указания: по одному ему известной рецептуре готовила растворы, смеси, порошки, да ещё промывала и стерилизовала приборы и посуду... Это уже позднее догадалась, что к чему, когда увидела, с какой жадностью собирает он каждую крупинку, каждый миллиграмм конечного продукта, с какой циничной расчётливостью опробывает их на клиентах «Уюта» и с какой жестокостью обставил он охрану лаборатории. Когда всё поняла и многое узнала, попробовала объясниться с ним, но было уже поздно - он лишь усмехнулся, сказал, что обратной дороги у меня нет, так

как в противном случае и мне придётся отвечать перед Законом. С того дня он полностью изолировал меня. Так я и с институтом рассталась. А потом стал приставать с гнусными домогательствами. Конечно, с помощью своих дьявольских снадобий он мог попытаться добиться от меня своего, но ему, видно, приелась покорная податливость здешних девиц. Он, как я поняла, хотел от меня большего - проявления подлинных чувств. Но их, естественно, не было, и однажды, а точнее в тот день, когда мы впервые встретились с тобой, он неожиданно появился в моей комнате. Видно было, что уже не владеет собой...

Я не стану рассказывать, как мне удалось вырваться от него и бежать из этого ада... Мне очень повезло тогда, что встретила тебя с друзьями на дороге. Но вот что будет с нами сегодня?..

Наташа потупилась, замолчала.

Глазунов, ошарашенный её рассказом, тоже не мог вымолвить ни слова.

Она вдруг резко отвернулась, наклонилась и что-то достала из выреза платья на груди.

- Вот, проглоти скорой! - протянула она ему белую таблетку.

- Что это? - изумился Глазунов. - Зачем?

- Так надо. Иначе тебя здесь могут сломать.

- Лекарство от страха?

- Нет, от безволия. Профессор с Шефом, конечно, попытаются выведать всё, что тебе стало известно о них. Могут воздействовать психотропными средствами.

- Я просто не приму их зелье!

Наташа усмехнулась.

- А дышать ты будешь?

-?!

- Профессор сумел изготовить специальную аэрозоль. Любой человек, вдохнувший её, превращается в абсолютно безвольное, но чрезвычайно внушаемое существо. На днях он похвалялся передо мной, что, распыляя эту

аэрозоль в народе, армии, среди парламентариев, сможет, наконец, осуществить свою давнюю мечту - повелевать всеми, придти к абсолютной власти.

- Бред какой-то! - снова ошалело подивился Глазунов. - Он что же - рвётся в диктаторы? Но это же глупо. Сегодня такая идея явно не пройдёт.

- Не знаю, не знаю... Но вот устроить тебе какую-нибудь гадость он может. Так что, проглоти таблеточку. Она из числа тех нейтрализаторов, которые Профессор изготовил специально для себя

Наташа поднесла таблетку к его губам. Он уклонился.

- А себе? Есть ещё?

- Нет, и эта случайно досталась. Профессор как-то уронил флакон - таблетки и рассыпались. Одна закатилась за шкаф. Я заметила, потом и припрятала на всякий случай. Вот этот случай и наступил. Может, в нём наш последний шанс... Ты мужчина, тебе будет легче выбраться отсюда, если уцелеешь. А я буду ждать тебя... Теперь знаешь, что надо сделать. В одиночку нам не справиться, тем более - с Профессором.

- Ты мне о нём ничего толком и не сказала. Кто он в действительности?

Наташа собралась ответить, но в коридоре послышались торопливые шаги, щёлкнул замок, распахнулась дверь...

Глазунов не успел и глазом моргнуть, как его сбросили на пол.

В чём дело? - недовольно спросил Шеф, отставляя в сторону бокал со своим любимым мускатным вином. Бес вытянулся у двери.

- Ребята задержали в парке одного типа. Перелез через ограду.

Шеф заёрзал в кресле, встревоженно перевёл взгляд на Профессора. Тот тоже, наконец, оторвался от шахматной доски, досадливо бросил:

- Что за тип - выяснили?

Бес на секунду замялся.

- У него удостоверение журналиста.

Он достал из внутреннего кармана френча тиснёные золотом красные корочки, шагнул к шахматному столику.

- Вот! - Бес осторожно положил удостоверение на лакированную крышку.

- «Голос Приволжья», - прочитал Профессор, нахмурившись, раскрыл его. - Глазунов Владимир Николаевич, корреспондент... - снова пошлёпал губами, призадумался, потом с интересом взглянул на фотографию хозяина документа. - Занятно!... Не тот ли, что был с Наташей и сквере?

Бес кивнул.

- Он самый. Жаль, что там же не прикончил его. Может, сейчас провернуть это дело?

- Не-ет, - протянул Профессор. - Мне интересно, что он здесь вынюхивал. Приведи-ка его сюда.

Бес опять кивнул, вышел из комнаты.

- Ты думаешь, этот журналист для нас опасен? -спросил Шеф. - Может, просто влюблённый дурак, вот и припёрся за Натальей.

- Когда он успел влюбиться? - Профессор потянулся за своим бокалом. - Не было у Натальи никого, я знаю.

- Тогда зачем он здесь?

- А ты и не понял? Он коллега тех газетных писак, которых нам пришлось убрать накануне. Видно, почуял неладное, вот и рыщет...

- Что же делать? По-моему, Бес прав - надо избавиться от парня! Так же тихо и чинно.

Профессор, не торопясь, пригубил вино.

- Ещё один труп?... Это уже перебор - тишины не получится. В угрозыске не дураки сидят... Попытаюсь сам поговорить с парнем, так вернее.

Шеф задумчиво склонил на бок голову, нервно почесал за ухом.

- Главное, надо узнать - зачем он к нам пожаловал и имеет ли связь с ментами.

- Понятное дело! - усмехнулся Профессор. - Это мы узнаем. А пока - оставь меня наедине с ним.

- Возьми хотя бы Беса за компанию. Для надёжности.

Профессор снисходительно усмехнулся.

- Сам справлюсь, Жоржик.

Шеф залпом осушил бокал, коротко буркнул:

- Ну что ж... Под твою ответственность!

Круто развернувшись, он пошёл к двери и на пороге чуть не столкнулся с Глазуновым. Посторонился, оглядел его с головы до ног, зло бросил Бесу:

- Развяжи мужика, и - топай за мной.

Бес недоумённо вскинул брови, но всё же поспешил выполнить приказ - ножом перерезал на запястьях пленника жёсткие путы, затем плотно прикрыл за собой дверь.

Глазунов с облегчением вывернул из-за спины затёкшие руки, потёр их и сразу почувствовал, как будто тысячи мелких иголок впились в онемевшие ладони.

- Проходите, батенька, садитесь.

Глухой, хрипловатый голос, неожиданно ворвавшийся в уши, заставил его переключить внимание на другое: в углу большой продолговатой комнаты, где он оказался, у неплотно зашторенных окон, в глубоком мягком кресле перед шахматным столиком сидел одетый с иголочки чем-то знакомый ему человек. Верхний свет в комнате был отключен, лишь переливалось огнём изящное хрустальное бра на стене справа от столика.

Глазунов прошёлся по ворсистому ковру, покрывавшему пол, опустился в кресло напротив этого человека и увидел его большие умные глаза за стёклами очков в модной оправе, крупный нос, аккуратно подстриженную клинышком бородку... В первое мгновение он не поверил себе - Верховский Вячеслав Андреевич, заведующий кафедрой химико-технологического института!...

Глазунов невесело покачал головой...

- Что - узнали меня? - усмехнулся Верховский. - Ну и как - нашли свою Наташу?

- Конечно, человек - не иголка.

Верховский с любопытством посмотрел на него.

- Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов, - улыбнулся он.

Глазунов насторожился.

- Надеюсь, вы понимаете, что совершенно не случайно так обошлись здесь с вами. У нас не любят, когда чужие люди суют нос, куда не следует, - всё так же мягко продолжал Верховский. - Так что, давайте обо всём откровенно... О чём вы говорили с Любимовой?

- С кем? - удивился Глазунов.

Верховский понимающе кивнул.

- Я веду речь о Наташе... И вот вы нашли её. О чём говорили?

- Вообще-то, ни о чём, - решил поосторожничать Глазунов.

- Не крутите, молодой человек, - угрожающе понизил голос Верховский. - Не пытайтесь выгораживать её. Подумайте о себе. Ведь теперь от нас вам просто так уже не уйти.

Глазунов и сам не обманывался в этом. И потому не сдержался:

- Да! Потолковали о многом.

- И обо мне?

- В том числе...

- Что же она рассказала?

- Всё, чтобы считать вас преступником.

- Ну, вот... - расслабился Верховский. - Спасибо за откровенность. А в чём обвиняете?

Глазунов почувствовал, как от гнева всё закипает в его груди.

- У меня недавно погибли друзья...

- Да, знаю. И вы, конечно, не поверили в случайность такой потери?

- Не поверил.

- Связали её с теми автогонками, которые устроили для вас наши парни, и с тем, что обо мне рассказала Наталья?

Глазунов помедлил с ответом, понял, что является для Верховского главным. Но и Ваньку валять перед таким зубром было бы, как он понял, пустым делом. Поэтому ответил коротко и откровенно:

- Да.

- Похвально, похвально. Отдаю должное вашей сообразительности. Полиция тоже так считает?

Вопрос застал Глазунова врасплох. Он снова замешкался. Хитёр противник! Как мастерски ведёт допрос... Вот здесь уже нельзя раскрывать перед ним все карты, давать такую фору, чтобы тот успел предпринять контрмеры. Корнеев вроде бы, зацепился за клички похитителей Наташи. На него теперь вся надежда...

И Глазунов, как бы удивлённо, переспросил:

- Полиция? - Помолчал ещё секунду и добавил: - А что, полиция? Вы думаете, там все такие умные сидят? Меня даже не потревожили с расспросами.

- И вы не попытались там высказать свои подозрения? - усомнился Верховский.

- Пытался. Но меня не поняли.

- А что конкретно рассказала обо мне Наталья?

- Всё.

- Когда? До того, как вы пытались наладить контакт с милицией, или после?

- Много позже. Всего полчаса назад, когда ваши молодчики бросили меня к ней в подвал.

- Как?! - Верховский чуть не подскочил в кресле. - Эти кретины...

Он не договорил, взял себя в руки и уже спокойно снова спросил:

- Так что же она вам рассказала?

- Всё, - повторил Глазунов. - Но я не понимаю, как вы, талантливый учёный, решились ввязаться в такое грязное и мерзкое дело, как содержание

развратного притона с игрой в рулетку, незаконное производство и сбыт наркотиков, убийство ни в чём не повинных людей?

- Вы имеете в виду ваших коллег из редакции? - спросил Верховский, откидываясь на спинку кресла. - Я не убивал.

- Попятно, что не вы, другие, - устало согласился Глазунов. - Но, наверняка, они действовали с вашей подачи... А наркотики? Или, без них мало зарабатывали?

- Мало, - подхватил Верховский. - В том-то и дело, что мало. Видите, что творится в стране? Развал! Полный хаос! Политический, экономический... Все нации ощетинились друг против друга!.. Вот вы сказали обо мне - талантливый учёный... А ведь отчего я занялся этим, как вы говорите, грязным делом? Не вкалывать же всю жизнь за нищенскую зарплату! Ну почему я, классный химик, должен получать меньше продавщицы из пивной палатки или заправщицы с бензоколонки? Я хочу получать за свои знания, опыт и работу настоящие деньги, а не гроши.

. Кстати, о таланте. И с ним у нас сегодня не разгуляешься. Программы научных изысканий - примитивные, лишь на потребу дня. Приличных лабораторий для научных работ практически нет, соответствующего оборудования - тоже. Нищета - она и есть нищета!

Он снова чуть отпил из бокала и продолжил:

- А здесь мне удалось соорудить собственную лабораторию. Понадобились инструменты - достали финские. Оборудование - вплоть до электронного, из всевозможных НИИ, из ФРГ, США, Японии... И вот теперь могу изготовить любые препараты!

- «Крокодила», например, - насмешливо и зло вставил Глазунов.

- А что? -загорелся Верховский. - Знали бы вы, какие в связи с ним я сделал открытия! Ведь из синтезированных материалов наладил их выпуск. Это переворот в науке! Ещё нигде в мире не научились получать наркотики на основе органического синтеза. Только мне удалось проникнуть в тайну этого процесса.

- Зачем вы хвастаетесь передо мной?

Верховский озадаченно склонил голову, потом рассмеялся.

- И правда - зачем? Наверное, сработала вечная слабость любого учёного - поведать миру о своих открытиях. Вы - умный человек, журналист... Значит, сможете оцепить высокую значимость возможности получать указанным способом уникальные для медицины препараты. Ведь они исключительно биологически активны, настоящее чудо в практической терапии.

- А ещё большее чудо для таких дельцов, как вы! - насмешливо сказал Глазунов. - Настоящая золотая жила!

Верховский не смутился.

- Правильно! Вы знаете, сколько стоит стакан марихуаны на чёрном рынке в России? А один килограмм опия-сырца? Да и не Россия его основной производитель, а страны поюжнее. С ним большие хлопоты и затраты немалые, оттого и цены на сырьё бешеные. А тут мы, с нашим, как вы говорите «Крокодилом». Производное сырьё - самое обычное, широко распространённое. Затраты на изготовление - минимальные, каких-либо кордонов по доставке потребителям преодолевать не надо. Действительно, золотая жила!

- А то, что «Крокодил» во много раз опаснее для наркомана, чем, например, марихуана?... Ведь вы им не только грабите, но и убиваете людей! Вас это не смущает?

- Ничуть. Кто такие наркоманы?.. Самоубийцы! Каждый из них, в конце концов, доходит до так называемого «золотого укола», после которого - смерть. Говорят, что это для них наивысший кайф. Вы что же думаете, при сегодняшней-то невероятной информативности они не знают о трагических последствиях наркомании, или легкомысленно отмахиваются от пропагандистских предупреждений? Как бы не так! И знают, и не отмахиваются. Это бегство. Бегство из нашего нищего, богом проклятого, лицемерного общества, лишившего их надежд на лучшее будущее. Это уход в иные физические и душевные состояния, которые хотя бы на время снимают

стрессы, доставляют своеобразные, пусть иллюзорные, но миры блаженства и спокойствия... Да, потом наркоманы гибнут. Но это - потом!... А сколько у нас в стране других самоубийц, что разом накладывают на себя руки? Вы журналист, вы знаете, как их много. Вот бы вам ими и заняться, предостеречь, помочь им. Но вы не сможете сделать это без того, чтобы не изменить само общество, ту социально-политическую систему, что довела людей до крайностей. А мы, то есть такие, как я, пусть на время, пусть за деньги, своим «промыслом» предоставляем таким людям хоть какую-то возможность продлить их жизнь, наполнить её своеобразным счастьем, смыслом.

- Странная у вас философия, - возразил Глазунов. - Дикость какая-то! По-моему, вы просто безнравственны. И уж, конечно, не спасительны, а исключительно опасны для общества. С его проблемами и трудностями мы, в конце концов, так или иначе справимся, я убеждён. А вот для вас в нём уже не будет места.

Верховский нахмурился.

- Ну что ж, один раз живём... Давайте пока прекратим наш разговор и лучше выпьем по чашке кофе. Да вы и голодны, наверное. Как насчёт бутербродов и кофе?

Глазунов сглотнул слюну. Есть ему хотелось. Но ведь этот маньяк, думал он, конечно же, не от доброты душевной проявил заботу о его желудке, наверняка в голове иное, что-то подлое...

- Что, боитесь отравлю? - отгадал его мысли Верховский.

- С вас станется, - признался Глазунов, - сами дали понять, что дальше этого дома наш разговор никуда не уйдёт.

Бородёнка Верховского затряслась от смеха.

- Да вы и впрямь аналитик, - сказал он, успокоившись. - Но я имел в виду то, что мы могли бы найти общий язык.

- Наверяд ли, - качнул головой Глазунов. - А кофе, что ж - можно и выпить. - Он здраво рассудил, что чашка ободряющего напитка ему не помешает, наоборот - прибавит силы и уверенности в себе.

- Отлично, - обрадовался Верховский. Он потянулся к кнопке звонка на столе.

- Слушаю? - почтительно сказал появившийся Бес.

- Нам кофе и бутерброды, - пояснил ему Верховский и принялся освобождать столик от шахмат.

Глазунов взглянул на окна: за их стёклами всё та же темень. Броситься бы сейчас в эту спасительную мглу, добраться бы до Корнеева!... Но - легче сказать, чем сделать, в дверях опять гоявился Бес, с усмешкой перехвативший его взгляд.

А кофе оказался горячим и крепким. Хороши были и свежие бутерброды с сыром.

Вскоре, однако, Профессор, отставил в сторону свою чашечку, выпрямился и немигающим взглядом впился в лицо собеседника.

- Итак, давайте вернёмся к нашим баранам... Надеюсь, вы хорошо понимаете, что представляете опасность для нас?

Глазунов тоже опустил чашку на крышку стола.

- Понимаю.

- Мы сможем договориться?

- О чём?

- В России скоро выборы. Я хочу выставить и свою кандидатуру. А вы поддержите меня выступлениями в газете.

- Метите в президенты? - съязвил Глазунов.

- Пока в местный парламент, - серьёзно ответил Верховский. - Ну, как - принимаете предложение?..

Глазунов крутнул головой.

- Я уже выразил своё отношение к вам.

- То есть - нет?

- Нет.

- Жаль!...

Верховский натужно закашлялся, потянул руку за платком в нагрудный кармашек элегантного костюма. Но вместо платка в ладони блеснул голубой эмалью небольшой баллончик. Глазунов ещё не успел ничего сообразить, как в лицо ударила горьковато - пряная струя газа. Он заморгал, попытался вскочить...

- Сидеть! - слышался властный голос Верховского. - Сидеть!

Сознание Глазунова помутилось, в голове зашумело, и он безвольно опустился в кресло.

Верховский усмехнулся, спрятал баллончик.

- Ну вот и хорошо. Умница! Теперь всегда будешь слушаться меня. Я ведь зла не желаю, правда?

Глазунов вяло кивнул. Внутри себя чувствовал какую-то пустоту. Не хотелось ничего говорить, ни о чём думать.

- А ты и не думай, - словно издали доносился до него голос Верховского. - Зачем тебе о чём-то думать? Забудь обо всём, что я тебе здесь до этого говорил. Ты просто будешь выполнять то, что я скажу. Я, а не кто-нибудь другой. Другие для тебя существуют постольку, поскольку они есть на этом свете. Но их просьбы, приказы, мольбы или требования для тебя вовсе не обязательны. Ты можешь выполнять их лишь в случае, если они не расходятся с моими пожеланиями и наставлениями. Понятно?

Глазунов снова кивнул. Он пытался сбросить с себя внезапно возникшую апатию, но его воля уже не поддавалась ему.

- А что ты понял?

- Выполнять только ваши пожелания, - запинаясь, ответил Глазунов.

- Правильно. Вот сейчас я и спрошу тебя кое о чём. А ты ответишь мне чётко и ясно, как на исповеди. О чём, всё-таки, шёл разговор в полиции?

В голове Глазунова словно прояснилось. Он взглянул на Верховского. Перед ним сидел добродушный, милый, чем-то очень близкий, простодушный

человек. Этот человек по-отечески улыбался ему и терпеливо ждал от него такого же доброго отношения. Ему нельзя было солгать, не поверить...

- Я сказал Корнееву, что сомневаюсь в случайности гибели моих друзей.

Верховский удовлетворённо тряхнул бородкой.

- Так... Корнеев - кто это?

- Начальник уголовного розыска.

- И что он ответил?

- Сказал, что у него есть основания полагать то же самое.

Верховский нахмурился.

- Почему?

- Он не вдавался в подробности.

- А кого подозревают?

- Беса и Длинного.

- Почему?

- Я сам указал на них, обрисовал внешность.

- От кого ты узнал, как их зовут?

- Наташа сказала.

Верховский ненадолго задумался.

- Корнееву тоже известны эти клички?

- Да, я назвал их ему.

- Та-ак, -протянул Верховский. - Занятно... Значит, личности наших мальчиков уже в поле зрения полиции... А Наташа? Корнеев и о ней знает?

- Знает.

- Что именно?

- Что она числится студенткой в химико-технологическом.

- И всё?

- Всё.

Верховский вновь откинулся на спинку кресла.

- Ты сказал ему, что разыскиваешь Наташу?

- Да.

- И что, отправился искать её именно сюда?

- Нет, об этом у нас не было речи. Напротив, он запретил мне какой-либо поиск.

- Почему?

- Мол, не моё дело.

Верховский усмехнулся, погладил бородку.

- Это уже лучше. Значит, положение ещё можно поправить.

- Что за положение?

- Ну, сам видишь, в какую историю тебя втянула Наталья. Это из-за неё всё так получилось. Глупая девчонка!... Сама напросилась на отдых в «Уюте», со всеми здесь перессорилась, а к ночи и вовсе сбежала. Что она наплела тебе в своё оправдание? Не было ничего этого, мой мальчик. Не было. Она всё сама подстроила с гибелью твоих друзей. У неё мания преследования. Вот и к тебе подбирается с рассказами. Надо избавиться от неё, мой мальчик. Надо! Я знаю, что она понравилась тебе, и всё же...

Глазунов захлопал ресницами.

- Да-да, понравилась. И ты ревнуешь её к Бесу и Длинному. А она смеётся над тобой, убегает, дразнит, а сама готовит новое злодейство. И ты сейчас возненавидел её. Ведь так?

Глазунов неуверенно кивнул.

- Так!... Сейчас ты пойдёшь в её комнату. Наталья будет сопротивляться, что-то доказывать. Но ты не станешь слушать её. Ярость клокочет в твоей душе, а в голове одна мысль - избавиться от этой подлой девчонки, ты и сделаешь так.

Верховский нажал кнопку звонка и, когда вошёл Бес, спросил его:

- У тебя есть нож?

Бес протянул ему свой клинок.

- Пойди к Наталье, отведи в её комнату, и потом возвращайся за нашим гостем. Проведёшь его к ней, оставишь вдвоём.

Бес опять недоумённо вскинул брови, но ничего не сказал, двинулся к двери. Минут через пять он возвратился.

- Ну, с богом, - обратился Верховский к Глазунову и подал ему нож.

Глазунов повертел в ладони клинок, медленно поднялся, медленно пошёл к двери. В голове снова зашумело, виски будто обручем сдавило. Ненависть к Наташе, неожиданно вспыхнувшая в нём, раздирала грудь, требовала выхода, но и что-то другое, необъяснимо тяжёлое, сковывало руки и ноги, вызывало в душе протест против этой ненависти и желания отмщения.

- Иди, иди... Не обращай внимания на свои чувства, - глухо донёсся до него повелительный голос Верховского. - Надо избавиться от Натальи. Надо, мой мальчик, надо!...

11

В дверь кабинета Корнеева постучали, и на пороге выросла фигура капитана Петрова.

- Что случилось? - спросил Корнеев своего заместителя, неохотно оторвав взгляд от бумаг, разложенных на столе.

- Глазунов потерялся.

- Как потерялся?

- Ушёл от наблюдения.

- Где? Когда?

- Два часа назад. На автовокзале. Купил билет и так неожиданно вскочил в отходящий автобус, что наш сотрудник не успел последовать за ним.

Корнеев взглянул на часы. Было уже 17 часов 50 минут.

- Растяпа он, а не сотрудник!... - в сердцах сказал Корнеев.

- Какой маршрут автобуса?

- Сто десятый номер. До посёлка Черницыно, по дороге на Москву.

- Так, - помрачнел Корнеев. - Попятно.

- Что понятно?

- Отправился искать Любимову.
- Думаешь, тоже вычислил, где она может находиться?
- Конечно. Парень он смышлённый, настырный, одно слово - журналист! Жаль только, нас не послушался. Теперь придётся форсировать операцию по блокированию «Уюта» и задержанию его обитателей.
- Но мы ещё не выяснили, на кого работает Бес, кто стоит за его спиной. А сейчас это самое главное.
- Самое главное для нас - спасти Глазунова и Любимову. А хозяина Беса уж как-нибудь вычислим.
- Как? Задержим Беса, и он, в лучшем случае, признается в сбыте наркотиков и в своей причастности к гибели журналистов «Голоса Приволжья». Тут мы имеем против него весомые доказательства. А вот где подпольная лаборатория по производству наркотиков, и кто её хозяин - он навряд ли выдаст... Может всё-таки, повременим с операцией?
- Нет! Медлить нельзя. Я за Глазунова боюсь. Не хватало нам ещё одного трупа... А что касается тех, кто стоит за спиной Беса, так у нас есть все данные об обитателях и клиентах «Уюта» - кто-нибудь из них, несомненно. Скорее всего - Верховский. Посуди сам - может ли настоящий учёный, интеллигент, связаться с такими гнилыми личностями, как шеф «Уюта» Проханов и его гости. Не слепой же он, знает, что творится в «Уюте», да и сам там охотно всем пользуется. Значит, и его нутро с душком... Это, во-первых. А во-вторых, я установил, что в своё время в одном из НИИ он вёл разработку по созданию ряда препаратов на основе органического синтеза материалов. Но что-то там у него не заладилось... И вдруг - изготовленные на основе такого же процесса наркотики в изобилии появляются у Беса и распространяются им в нашем городе. Кто мог сотворить их здесь?
- Думаешь, Верховский?
- Теперь почти уверен в этом. Возьми случай с Любимовой... Студентка. Того самого института, где работает Верховский. Судя по всему, бежала - то она из «Уюта», куда доступ, как мы выяснили, позволителен не всякому. Как она

оказалась в этом вертепе, среди пошляков, проституток и уголовников?..

Ответ ясен - кто-то заманил её, чем-то прельстил. Уж не Верховский ли?

- С какой целью? Чтобы поволочиться за ней?

- И это не исключено... А с другой стороны - в «Уюте» можно организовать лабораторию? Далеко от города, от чужих глаз... Да! Я всё больше прихожу к мысли, что если Верховский решил заняться производством наркотиков, то лучшего укрытия, чем «Уют», ему не сыскать. Теперь поразмышляем дальше... Верховскому, конечно же, понадобилась бы лаборантка. Он выбирает среди своих студенток девушку поскромнее и победнее, но умом побогаче и знаниями посильнее других, а Любимова именно так и характеризуется в институте, и хитростью ли, посулами привлекает её к работе в подпольной лаборатории.

- А почему в последние дни так охотились за ней?

Корнеев пожал плечами.

- Можно лишь предположить. Глазунову она сказала, что в «Уюте» вступила в конфликт с одним из его обитателей, потому и преследовали её. А я так думаю, не с Верховским ли поссорилась, не от него ли бежала?.. Вот мы с тобой всё гадали о мотивах убийства коллег Глазунова. Но ведь если мои рассуждения о Верховском верны, то становится понятным, почему их «убрали». После встречи с Любимовой они просто стали опасны для него: не проболталась ли о нём?.. Глазунов это раньше нас сообразил. Но теперь и нам нельзя терять ни минуты. Надо выручать, журналиста. Если он угодит в лапы Беса и Длинного, то шанс вернуться живым у него вряд ли останется. Так что готовь опергруппу на выезд, а я пока руководству доложу. Думаю, возражений на проведение операции не будет.

Корнеев еще раз взглянул на часы.

- В «Уюте» сейчас как раз самый наплыв гостей. Пора нам кончать с этими оборотнями.

. .. Глазунов вышел вслед за Бесом в коридор. Ноги сделались ватными, он едва передвигал их, и если бы не Бес, почти тащивший его за собой, он, наверное, остановился бы и сел на пол. Бес пнул какую-то дверь, втокнул его в небольшую, залитую электрическим светом комнату и тут же исчез.

Глазунов раскачивался у порога, как пьяный.

Наташа сидела за столом, уткнув голову в сложенные ладони. Услышав стук двери, она поднялась и радостно бросилась к Глазунову.

- Володя! Ты жив?!

И тут она заметила в его руке нож.

- Что это у тебя? Зачем?

Он не ответил. Тяжело дышал и, как безумный, ворочал помутившимися глазами. «Убей её, убей», - слышался в голове гипнотизирующий голос Верховского. Но руки словно свинцом налились. Он с трудом поднял ту, что была с ножом, и... застонал, не в силах выполнить дикий приказ.

Наташа изменилась в лице. Всё поняла. В глазах появилась тревога.

- Тебе приказали убить меня?

- Да... Ты - дрянь, дрянь! - процедил он сквозь зубы, вновь закипая яростью.

Горестная улыбка скользнула по бледному лицу Наташи, но девушка переборола себя, попыталась перехватить клинок. Глазунов оттолкнул её. Наташа вскрикнула, ударившись об угол стола. Невольно обвела взглядом комнату в поисках укрытия. Такого здесь не оказалось. Окно?.. Она не испугалась бы стёкол, но межрамная решётка напрочь опрокидывала и эту надежду на спасение.

А её неожиданный палач уже стоял рядом. Покачивался на нетвёрдых ногах, что-то невнятно мычал и нож в его руке отбрасывал на стены зловещую тень.

В груди Наташи всё оборвалось, сердце защемило. Она попятилась, чтобы избежать удара, споткнулась о стул и без чувств опустилась на пол.

Безумные зрачки Глазунова закатились. Он выронил нож и вдруг тоже рухнул рядом с ней.

... - Слизняк, - презрительно сказал Верховский, увидев представшую перед ним картину. - Подбери платком нож, - обратился он к застывшему у порога Бесу, - и доведи дело до конца, прикончи девчонку.

- А что потом?

Заполни на неё и журналиста гостевые карточки, всех наверху гони в шею и звони в полицию: мол, вот до чего людей ревность доводит. Пальчики-то на ноже не твои останутся. Понял?

- Понял, - усмехнулся Бес. Он обернул носовым платком руку, осторожно поднял с пола нож, шагнул к очнувшейся девушке. В тот же миг дверь в комнату с грохотом распахнулась, и кто-то тяжёлый обрушился на него, выбив нож из руки. Падая, Бес ещё успел провести освобождающий от захвата сзади болевой приём, но уже в следующую секунду другой неизвестный ему противник ловко защёлкнул на его запястьях наручники.

Верховский попятился к двери.

- Позвольте, позвольте, - срывающимся голосом пробормотал он, ошеломлённый стремительностью случившегося, - я здесь случайно...

Но ему преградили путь.

- Разберёмся!

В комнату стремительно вошёл Корнеев.

- Кто вы такой? - обратился он к Верховскому, краем глаза поймав распростёртого на полу Глазунова и хлопотавшую над ним Наташу.

Верховский церемонно представился.

- Я уже объяснил вашим сотрудникам, - поспешно добавил он, - я оказался здесь случайно. - И протянул руку к нагрудному карману. Её тут же перехватили.

- Обыскать его, - коротко приказал Корнеев оперативникам, - Быстро врача сюда и понятых.

Он шагнул к журналисту.

- Что с ним? - спросил Наташу.

- По-моему, обморок, - сквозь слёзы ответила девушка. - Вероятно, одурманили наркотиком.

Она похлопала Глазунова по щекам.

- Ну очнись же, очнись!...

Веки Глазунова дрогнули, он глубоко вздохнул, застонал. Вместе с невероятной болью в голове и груди услышал шум борьбы, чьи-то злобные возгласы... Затем почувствовал, как кто-то осторожно приподнял его голову и положил её на что-то мягкое и теплое. Ему показалось, что это Наташа обняла его за плечи и тычет в рот какую-то таблетку. Потом что-то влажное - то ли капли воды, то ли слёзы...

Он попытался открыть глаза и сквозь мутную пелену скорее угадал, чем увидел, что лежит на коленях Наташи, и кто-то уж очень похожий на капитана Корнеева подносит к его рту стакан с водой.

- Володенька, милый... Ну проглоти эту таблетку, - словно издали доносился умоляющий голос Наташи. - Проглоти, и всё будет хорошо!...

Он с трудом разомкнул губы, давась, проглотил таблетку. А в ушах, растворяя боль в груди и голове, продолжало звучать: «Всё будет хорошо... Хорошо!... Хорошо...»